Александр Антонов. Страницы биографии.

Самошкин Владимир Васильевич

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Предлагаемый вниманию читателей историко-биографический очерк является первой попыткой рассказать о жизненном пути человека, имя которого - хотим мы того или нет - навсегда останется в отечественной истории.

В документальную основу очерка легли неизвестные ранее материалы об Антонове, найденные автором в Государственном архиве Российской Федерации (бывший Центральный государственный архив Октябрьской революции), Российском государственном военно-историческом архиве (бывший Центральный государственный военно-исторический архив), Российском государственном военном архиве (бывший Центральный государственный архив Советской Армии), Центральном государственном архиве Москвы (бывший Центральный государственный исторический архив г. Москвы), Центре документации новейшей истории Тамбовской области (бывший Партийный архив Тамбовского обкома КПСС), Архиве Л.Д. Троцкого в Хогтонской библиотеке Гарвардского университета США, а также в государственных архивах Владимирской, Воронежской, Пензенской, Саратовской и Тамбовской областей.

- АЛЕКСАНДР АНТОНОВ
  - ○

АЛЕКСАНДР АНТОНОВ
Страницы биографии

"Антонов - недюжинная фигура с большими организаторскими способностями, энергичный, опытный партизан"

(Из характеристик на А. С. Антонова Штаба Красной армии.)

Часть первая

ПАРЕНЬ В КОСОВОРОТКЕ

Александр Степанович Антонов родился 26 июня /8 июля/ 1889 года в Москве, в семье отставного фельдфебеля из мещан Тамбовской губернии Степана Гавриловича Антонова и портнихи Наталии Ивановны /в девичестве Соколовой/. Крещеный 30 июня в знаменитой московской церкви Преподобного Сергия Радонежского Александр был третьим ребенком в небогатой

семье Антоновых. Старше его были сестры Валентина и Анна, а младше - брат Дмитрий, родившийся уже в уездном городе Кирсанове Тамбовской губернии, куда в 90-х годах переехали жить Антоновы. Другая дата рождения А. С. Антонова (26 июля 1889г.). содержащаяся в одном из документов, опубликованных в сборнике "Крестьянское восстание в Тамбовской губернии в 1919-1921 гг. "Антоновщина". Документы и материалы" (Тамбов, 1994, с.264). не соответствуют действительности.

Здесь Степан Гаврилович открыл небольшую слесарную мастерскую по починке домашней утвари. Однако дела его шли не ахти, и поэтому основной вклад в семейный бюджет вносила супруга, быстро приобретшая в захолустном Кирсанове репутацию лучшей портнихи-модистки. Именно благодаря стараниям Наталии Ивановны, обе ее дочери-красавицы и младший сынок ходили всегда нарядными и опрятными.

А вот Александр с самых юных лет не любил наряжаться и ходил в скромной ситцевой косоворотке, подпоясанной ремнем, и в дешевых бумажных брюках, заправленных в сапоги. Именно таким он запомнился своим однокашникам по Кирсановскому городскому трехклассному училищу, где всех учебных дисциплин и было-то: русский язык, арифметика с геометрией, да неизбежный тогда закон Божий.

Трудно сказать почему, но явно неглупый Антонов учился плохо, а во 2-м классе даже умудрился остаться на второй год за неуспеваемость. В 1905 году он должен был окончить училище, но вот окончил ли - достоверно пока неизвестно. Отметим попутно, что в нашей исторической литературе, как научной, так и художественной, еще с 1922 года прочно бытует легенда о том, что Антонов, не окончив учебы, был исключен из училища за сильное хулиганство и слабую успеваемость. Причем утверждающие это пишут, что Антонова выгнали из 5-го класса реального училища. Однако сейчас точно установлено, что в 1905 году в Кирсанове еще не было реального училища. К тому же, напомним, Антонов учился в трехклассном училище, и поэтому его никак не могли выгнать из 5-го класса.

Впрочем, как бы там ни было, факт остается фактом: в 1905 году школьная пора для Антонова закончилась. Чем занимался Александр Антонов до конца 1907 года, известно немногое. Какое-то время он работал в Кирсанове у местного хлеботорговца Милохина, затем сблизился с эсерами, вступил в их партию, перешел на нелегальное положение и якобы начал принимать участия в ограблениях /"экспроприациях", "эксах"/ государственных учреждений и заведений /волостных правлений и казенных винных лавок/, а также официальных должностных

лиц /сборщиков налогов/. И хотя у Кирсановской полиции не имелось на сей счет никаких конкретных доказательств, она, тем не менее, в начале 1908 года уже однозначно характеризовала Антонова как "известного грабителя" и вела - пусть и весьма пассивно - его розыск.

Любопытная деталь. Наши историки и писатели с завидным единодушием именуют Антонова "кирсановским мещанином". А ведь на самом деле он был мещанином города Тамбова. Так, например, в сугубо официальной справке Тамбовской мещанской управы от 12 декабря 1908 года говорится: "Александр Степанович Антонов принадлежит к обществу мещан г. Тамбова, рожден 26 июня 1889 года ... При получении им паспорта 6 октября 1907 года за № 2437 жительство свое показал в г. Кирсанове, Тамбово-Саратовская ул., д. Гриднева... По документам управы, под судом и следствием не состоял" .

Общеизвестно, что Антонов был эсером, и обычно пишут, что в партию социалистов-революционеров он вступил в 1906-м или даже в 1905 году. Однако здесь, на наш взгляд, нужны некоторые уточнения и дополнения. Дело в том, что летом 1906 года в Тамбове, в дополнение к существовавшей с 1905 года губернской организации партии эсеров, возникла так называемая "Тамбовская группа независимых социалистов-революционеров". По данным тамбовских жандармов, в числе первых и наиболее активных ее членов были Александр Антонов (партийная кличка "Шурка") и Николай Киселев ("Миша"). Тщившаяся выдавать себя за часть какой-то новой партии, группа "независимцев" фактически являлась спецподразделением при эсеровском губкоме и занималась в основном добычей денег и документов для партийных нужд, а при случае - и приведением в исполнение смертных приговоров, вынесенных эсерами "провинившимся" должностным лицам, провокаторам и предателям.

В начале сентября 1907 года, в связи с ростом числа членов и расширением сферы деятельности, "Тамбовская группа независимых социалистов-революционеров" преобразуется в "Тамбовский союз независимых социалистов-революционеров". "Союз" не ограничивается при проведении "эксов" и других своих акций пределами Тамбовщины и все чаще переносит их на территории Саратовской и Пензенской губерний, а потому вскоре начинает именовать себя уже "Поволжским союзом независимых социалистов-революционеров".

В конце 1907-го - начале 1908 года особую активность развивает группа "независимцев", действующая в Кирсановском уезде. В состав этой группы входит и Антонов, однако всех затмевает своей сверхактивностью крестьянин деревни

Тафинцево Борисоглебского уезда Алексей Матвеевич Негодяев. Стараясь загладить свою вину - растрату 300 рублей партийных денег -Негодяев совершает целый ряд дерзких "эксов",'" сопровождавшихся убийствами. К середине мая 1908 года за ним числилось уже не менее восьми трупов. В отличие от Негодяева, Антонов проводит свои "эксы" без пролития крови и не оставляет полиции никаких улик против себя.

Длительное отсутствие серьезных доказательств участия Антонова в "эксах" и его неуловимость начинают постепенно, но не на шутку раздражать кирсановского уездного исправника / начальника уездной полиции/ Терехина - человека отчаянной храбрости и к тому же весьма неглупого. В результате предпринятых им мер полицейское кольцо вокруг Антонова, чувствовавшего себя до этого в Кирсановском уезде как рыба в воде, начинает медленно, но неумолимо сжиматься. И вот, дабы не угодить в лапы полиции, Антонов вынужден в апреле 1908 года бежать в Тамбов, где его, кстати, пожелало увидеть губернское эсеровское начальство, решившее поручить "растущему" Антонову более серьезное дело и перевести его из "экспроприаторов" уездного значения в разряд боевика межгубернского /областного/ масштаба.

Однако, вслед за Антоновым, из Кирсанова в Тамбов пришла и полицейская "ориентировка", которую внимательно прочитали не только в Тамбовской полиции, но и в губернском жандармском управлении /ГЖУ/.

Узнав о приезде Антонова, помощник /заместитель/ начальника Тамбовского ГЖУ, заведующий жандармской агентурой в губернии ротмистр Петр Николаевич Чистяков 1 мая запросил кирсановского исправника о прошлых "делах" и внешних приметах Антонова. Ответ исправника был таков, что в поиск Антонова тут же включился и другой помощник начальника Тамбовского ГЖУ - заведующий жандармским розыском в губернии ротмистр Александр Николаевич Дурново.

Надо сказать, что начальник Тамбовского губернского жандармского управления полковник Владимир Семенович Устинов имел в лице своих заместителей Чистякова и Дурново весьма толковых и расторопных помощников. Уже к 10 мая Антонов был обнаружен и взят под скрытое, но неусыпное наблюдение жандармских филеров. В течение недели они установили, что "Румяный" /такой клички наблюдения удостоился Антонов от тамбовских шпиков/ проживает в доме № 9 по 1-й Долевой /ныне К. Маркса/ улице, что на пересечении ее с Тезиковской /ныне ул. Сергеева-Ценского/. В этом доме Антонова навещали небезынтересные с жандармской точки зрения люди, в

том числе и его товарищ по "Тамбовской группе независимых социалистов-революционеров" Николай Александрович Киселев, перешедший теперь на чисто аппаратную работу - заведование кассой "Поволжского союза независимых социалистов-революционеров". Сам же Антонов не только нанес ответные визиты многим из тех, кто приходил к нему, но и /что еще больше усилило внимание жандармов/ встретился на конспиративной квартире с более видной, чем Киселев, фигурой - ответственным работником Центрального комитета эсеровской партии Иосифом Николаевичем Белоусовым.

Чтобы пресечь деятельность опасно активизировавшихся тамбовских эсеров, начальник губернского жандармского управления полковник В. С. Устинов решил провести в ночь на 22 мая обыски и аресты в Тамбове сразу по двадцати адресам. Операция прошла весьма успешно, попались почти все видные эсеры и "независимцы". В их числе оказались представитель ЦК партии эсеров И. Н. Белоусов, член Тамбовского эсеровского губкома Александр Александрович Несмелое и сам глава "Поволжского союза независимых социалистов-революционеров" - сын статского советника Август Августович Лейтен. И лишь в одном месте, в доме № 16 по улице Араповской /ныне М. Горького/, где, по агентурным данным, ночевал Антонов и уже упоминавшийся Негодяев, жандармы и полиция встретили вооруженное сопротивление. Во время перестрелки в доме Негодяев смертельно ранил старшего городового Никифора Федоровича Пятова, но и сам был убит жандармским унтер-офицером Любимовым. Второй же боевик, после прибытия к месту происшествия казачьей сотни 1-го Волжского полка, давшей по окнам дома два хороших залпа, сдался лично жандармскому полковнику Устинову. В своем рапорте на имя директора Департамента полиции Владимир Семенович Устинов очень красочно и подробно изложил эпизод пленения "разбойника Шурки". О том, что, наконец, пойман "давно разыскиваемый революционный "деятель" Александр Антонов", не замедлили протрубить и тамбовские газеты.

Но каково же было удивление, а затем и вполне понятное негодование полковника Устинова, когда через две недели ему доложили, что "Румяный" - Антонов с нахальным спокойствием разгуливает по улицам Тамбова.

ПЕРВАЯ КРОВЬ

Ночь с 12 на 13 июня Александр Антонов, уже вновь

выслеженный тамбовскими шпиками, провел в доме № 69 по Теплой /ныне Лермонтовской/ улице, в квартире Нины Феликсовны Скаржинской - недавней выпускницы Ольгинской школы при тамбовском Вознесенском женском монастыре. И хотя Антонов подлежал немедленному аресту, брать его на квартире Скаржинской и даже поблизости от дома полковник Устинов категорически запретил, так как тамбовским эсерам сразу бы стало ясно, кто из них работает на жандармов. Поэтому арестовать Антонова было решено лишь после того, как он покинет квартиру и достаточно далеко отойдет от дома.

По агентурным данным, "Румяный" должен был часов в 10 утра отправиться на железнодорожный вокзал для отъезда в Кирсанов с целью создания там группы боевиков-"экспроприаторов" и проведения нескольких "эксов", а также какого-то террористического акта. Непосредственный арест Антонова поручался специально вызванной из Самары группе опытных филеров Поволжского районного охранного отделения, осуществлявшего жандармский розыск на территории девяти губерний, включая Тамбовскую.

Однако утром 13 июня Антонов так и не покинул место своего ночлега. Уже около четырех часов дня руководитель тамбовских шпиков, старший филер унтер-офицер Петр Иванович Сертаков, проходя по Теплой улице, повстречал неподалеку от дома № 69 группу самарских филеров. Их старший, унтер-офицер Романович, заявил Сертакову, что он и его люди не ели с самого утра и предложил на время обеда подменить их тамбовцами. Сертаков немедленно выполнил просьбу-приказ Романовича и с четырьмя своими филерами остался поджидать выхода "Румяного".

Едва самарцы ушли, как на улице появился Антонов и, сопровождаемый невесть откуда взявшимся недавним тамбовским семинаристом Пантелеймоном Васильевичем Светловым, направился в сторону полотна железной дороги. Сертаков и его филеры осторожно двинулись следом за ними. Тем не менее, быстро заметив слежку, Антонов, сунул правую руку в карман брюк и уже не вынимал ее оттуда.

В это время впереди, на углу Теплой и Базарной, стоял на посту городовой Сергей Павлович Тихонов - участник русско-японской войны, награжденный за храбрость Георгием. Увидев двух приближавшихся молодых людей и группу следовавших за ними филеров, Тихонов заметил также, как известный ему лично старший филер Сертаков жестами показывает, что они сейчас будут брать преследуемых и желательна его помощь. Из жестов Сертакова Тихонов понял, что филеров в первую очередь

интересует Антонов.

Едва молодые люди, по дуге обходя городового, поравнялись с ним, Тихонов бросился к Антонову. В тот же миг послеполуденную тишину улицы разорвали выстрелы. Это Антонов, резко выхватив револьвер, трижды выстрелил в городового, и тот мешком рухнул на землю. Как выяснилось позже, Тихонов получил ранения левой руки, правой ноги и шеи с повреждением ключицы. Однако ни одна из этих ран, ни все они вместе, не представляли никакой угрозы для жизни храброго городового.

Явно опешив от такого поворота событий, филеры замешкались и даже не предприняли попытки тут же схватить Антонова, который, не долго думая, перемахнул через забор и зайцем побежал по огородам. Лишь упустив драгоценные секунды, шпики рванулись в погоню за ним. И совершенно забыли о Пантелеймоне Светлове, который беспрепятственно скрылся с места происшествия, и которого впоследствии жандармам и полиции так и не удалось разыскать.

Увидев, что Антонов забежал в небольшой, но очень густой сад, филеры открыли огонь по зарослям, чем быстро вынудили "Румяного" покинуть это не спасающее от пуль укрытие. Выскочив, как ужаленный, из сада, Антонов расстрелял в преследователей весь револьверный барабан - мимо! - и побежал дальше. Вслед за ним, стреляя на ходу, но тоже не попадая, устремилась вся группа филеров. На чьем-то огороде запыхавшийся Антонов сбросил с себя пиджак, в карманах которого потом нашли поддельный паспорт за номером 1559 на имя мещанина города Скопина Рязанской губернии Василия Ивановича Раузова и мешочек с тридцатью двумя револьверными патронами.

В поисках спасения Антонов забегал в несколько дворов, но тут же опять выскакивал из них. Позднее очевидцы рассказывали, что в одном дворе он успел повздорить с какой-то старухой и якобы даже отстегать ее ремнем. Наконец, уже выдыхаясь из сил, Антонов достиг большого и густого сада у Петропавловского кладбища. Все попытки филеров найти его здесь оказались тщетными.

Через час два квартала, представляющие из себя фактически сплошной сад и где мог скрываться Антонов, были оцеплены и тщательнейшим образом прочесаны прибывшими сюда казаками и усиленными нарядами полиции. Но Антонов как сквозь землю провалился.

В тот же день полиция арестовала хозяйку квартиры, в которой ночевал Антонов. Вместе с Н. Ф. Скаржинской,

схваченной прямо на улице, были арестованы и находившиеся с ней в момент задержания Серафима Ефимовна Рысцова и Алексей Яковлевич Овчинников. Как быстро выяснилось, Рысцова была подругой Скаржинской еще по Ольгинской школе, а Овчинников оказался недавним выпускником тамбовского Екатерининского учительского института. Все трое побывали уже в тюрьме за принадлежность к эсеровской партии и за хранение нелегальной литературы антиправительственного содержания.

Стрельба в городе среди бела дня, не увенчавшаяся к тому же успехом, принесла одни неприятности жандармскому полковнику Устинову и даже самому тамбовскому губернатору Николаю Павловичу Муратову, которые были вынуждены теперь письменно объясняться перед своим петербургским начальством. Особенно в неловком положении оказался Владимир Семенович Устинов, как известно, уже отправивший победный рапорт о личной поимке Антонова во время облавы на эсеров в ночь на 22 мая. Короткое разбирательство с задержанным тогда "разбойником Шуркой", отказавшимся сразу назвать свое имя, показало, что это не Антонов, а лишь внешне похожий на него беглый административноссыльный крестьянин села Чернавки Кирсановского уезда Максим Иванович Жуликов, И хотя за Жуликовым ничего существенного не оказалось, полковник Устинов выхлопотал-таки ему 4 года ссылки в далекий Туруханский край.

14 июня 1908 года следователь по особо важным делам Тамбовского окружного суда статский советник Николай Густавович фон Арнольд начал следствие по делу о нанесении огнестрельных ранений городовому С. П. Тихонову. В августе того же года, в связи с тем, что Тамбовская губерния находилась на положении усиленной охраны, а также, ввиду особой тяжести преступления, дело было передано в прокуратуру Московского военно-окружного суда и вскоре приостановлено из-за нерозыска Антонова.

ВТОРАЯ КРОВЬ

Счастливо отсидевшись 8 дней в какой-то норе в Тамбове, Антонов в полдень 21 июня без происшествий выбрался из города и направился пешком по Моршанской дороге. У пригородной Донской слободы (ныне село Донское Тамбовского района) его догнала запряженная гнедой лошадью телега, в которой сидел неизвестный ему молодой парень. Остановив подводу и узнав у парня, что тот едет к себе домой в село Пахотный Угол (40

километров северо-восточное Тамбова), Антонов представился учителем и попросил подвезти его до этого села. Возница (как выяснилось впоследствии, это был 16-летний Михаил Николаевич Савельев) не возражал.

Проехав километров двадцать, они остановились немного передохнуть и попить чаю в большом селе Горелое у знакомых парня - супругов Василия Тихоновича и Прасковьи Осиповны Мещеряковых, а затем продолжили путь по лесной дороге, ведущей в Пахотный Угол.

Отъехав километров пять от Горелого, они около 9 часов вечера проезжали через Хомутляевский лесной кордон. Здесь все и случилось.

В это время возле своего дома, выходящего фасадом на проезжую дорогу, стоял 23-летний лесной кондуктор Владимир Иванович Шипилов и разговаривал с лесником Алексеем Никитичем Федоровым и объездчиком Даниилом Филипповичем Яготиным. В их разговоре принимала участие и сидевшая в доме у открытого окна жена Шипилова, Анастасия Дмитриевна.

Тут они увидели, что по дороге со стороны села Горелое показалась подвода. По приближении ее Шипилов разглядел (уже смеркалось), что в телеге сидел молодой человек, а другой, молодой же парень, шел рядом с лошадью.

Здесь лесной кондуктор Шипилов вдруг забеспокоился. Как он сам позднее объяснил, в тот день (то есть 21 июня) у него в доме находилось около трех тысяч рублей казенных денег (очень большая по тем временам сумма), а кроме того он вспомнил, что несколько минут назад через кордон проехали на двух подводах пятеро неизвестных ему людей. Поэтому появление на ночь глядя еще одной подводы с двумя опять-таки неизвестными молодыми парнями, к тому же одетыми "по-городскому", показалось ему весьма подозрительным.

Недолго думая, Шипилов послал к приближающейся подводе лесного объездчика Яготина спросить у проезжающих, кто они такие и куда направляются. В ответ на вопрос подошедшего к телеге Яготина Антонов довольно грубо послал его, что называется, куда подальше.

Услышав такой "исчерпывающий" ответ, Шипилов приказал Яготину задержать молодых людей и вместе с Федоровым направился к подводе. В этот момент сидевший в телеге Антонов выхватил из кармана браунинг и громко крикнул: "Не подходите, а то буду стрелять!"

Видя, что его угроза не дала никакого результата, он с расстояния 3-4 метров выстрелил в подходившего первым Шипилова, ранив его в левый бок. К счастью, ранение оказалось

легким, и Шипилов, развернувшись, довольно резво побежал к своему дому. Оторопевшие на какой-то миг от увиденного Яготин и Федоров тоже бросились спасаться бегством. А за ними, соскочив с телеги и страшно ругаясь, зачем-то побежал Антонов. Однако увидев, что крайне напуганный происходящим его возница вскочил на подводу и пытается ускакать с места происшествия, Антонов тут же прекратил бессмысленное по существу преследование убегавших и, догнав отъезжающую телегу, прыгнул в нее, отобрал у трясущегося от испуга Мишки Савельева вожжи и сам стоя стал яростно погонять лошадь.

Бешеной рысью отмахав от кордона километра полтора, Антонов передал вожжи Савельеву, спрыгнул с телеги и скрылся в лесной чаще.

27 июня местный полицейский урядник Александр Ефимович Кутузов, проводивший расследование инцидента на Хомутляевском лесном кордоне, арестовал в селе Пахотный Угол Михаила Савельева, который честно рассказал о том, как все было, но вот о молодом "учителе", коего он подвозил в тот злополучный день 21 июня, не смог сообщить ничего, кроме внешних примет.

Немного отойдя от недавних потрясений, Антонов направился в Саратов, к вышестоящему /надгубернскому/ эсеровскому начальству, в Поволжский областной комитет партии эсеров, где получил высокую оценку своих "боевых действий". А в порядке награды - крайне ответственное задание, связанное со смертельным риском. Но так как обком не дал и рубля на выполнение задания, Антонов решил вернуться на Тамбовщину и быстренько "экспроприировать" там необходимую сумму денег.

"ЭКС" НА СТАНЦИИ ИНЖАВИНО

31 октября 1908 года в село Коноплянку Красивской волости Кирсановского уезда, к местному крестьянину Ивану Ивановичу Рогову приехали Антонов и Гавриил Иванович Ягодкин - двадцатидевятилетний административноссыльный крестьянин села Молоканщины Пригородно-Слободской волости Кирсановского уезда. Приезжие предложили Рогову принять участие в ограблении кассы железнодорожной станции Инжавино, что по соседству с Коноплянкой. Рогов согласился, а через него к участию в будущем "эксе" были привлечены еще два коноплянца - Федот Захарович Лобков и Григорий Степанович Поверков.

Вечером 3 ноября пятеро "экспроприаторов" прибыли на станцию Инжавино и, оставив Поверкова при лошадях, в 18.45

вошли в здание вокзала. Все грабители были вооружены револьверами, полученными от Антонова. Он и командовал налетом.

* Действительно, архивные документы свидетельствуют, что 4 сентября 1908 года из кассы станции Инжавино было похищено 9531 руб. 87 коп. Однако следствие доказало, что кражу совершил сам начальник станции Чекашев с помощью своего приятеля Волкова. Во время обысков у них были найдены почти все украденные деньги.

В зале ожидания вошедшие обнаружили лишь дремавшего там станционного сторожа Ивана Федоровича Синякина и шесть девушек-крестьянок из села Инжавино, пришедших на станцию засветло, чтобы встретить брата одной из них, приезжающего с пассажирским поездом около полуночи. Выхватив оружие, налетчики приказали всем не двигаться с места и соблюдать тишину и спокойствие.

Лобков и Рогов остались в зале ожидания, а Антонов с Ягодкиным прошли в контору станции, где работали весовщик Павел Иванович Коршунов и конторщик-практикант Иван Васильевич Коноваликов - сын станционного жандарма. Скомандовав "Руки вверх! Ни с места", Антонов оставил с ними Ягодкина, а сам вошел в кабинет начальника станции Василия Борисовича Петрова.

Направив на начальника револьвер, Антонов спросил, имеет ли тот оружие, а услышав отрицательный ответ, сразу же предложил достать ключи и открыть сейф с деньгами. Реакция Петрова на это банальное требование грабителя была достаточно своеобразной. Не обращая никакого внимания на чуть ли не упиравшийся в его грудь револьвер "экспроприатора", начальник в сердцах стукнул кулаком по столу, неожиданно залился горючими слезами и тут же закатил такую истерику, что Антонов просто оторопел. Из не совсем внятных слов рыдающего Петрова он понял только то, что начальник станции - самый разнесчастный человек на свете, который очень болен и стар, но у которого шесть человек детей мал мала меньше, которые не увидят больше своего бедного отца, ибо теперь его посадят в тюрьму, откуда он уже вряд ли выйдет.

И тут зашедшийся в истерике Петров вдруг рухнул на пол в глубоком обмороке, что, как ни странно, вывело наконец Антонова из состояния оцепенения и бездействия. Мигом достав из кармана начальника ключи, он открыл несгораемый сейф и извлек оттуда все деньги. "Экспроприация", по существу, была завершена, но Антонов не покинул кабинет, а позвал сюда конторщика Коноваликова и приказал ему оказать необходимую

помощь валявшемуся на полу без чувств Петрову.

Вскоре стараниями обоих начальник очнулся и стал быстро приходить в себя. Собираясь уже уходить, Антонов все-таки не удержался и спросил начальника станции: почему он считает, что обязательно попадет в тюрьму, да еще на большой срок?

Дело в том, объяснил Петров, что два месяца назад касса этой станции уже была ограблена. Грабителей не нашли, а его предшественника арестовали и посадили в тюрьму, обвинив в том, что это он сам взял деньги.

А посему, лепетал Петров, не сжалится ли над ним такой добрый и интеллигентный молодой человек и не напишет ли расписочку в том, что деньги "экспроприированы" им, а не самим начальником станции.

Явно польщенный словами начальника Антонов ответил, что ничего против расписки не имеет и даже обязательно пришлет ее, как только в более спокойной обстановке подсчитает "выручку". А сейчас ему, к сожалению, некогда.

Но тут Василий Борисович опять начал подозрительно всхлипывать, вспоминать своих малых детей и, в конце концов, дошел до того, что упрекнул Антонова в том, что вот, мол, и господа революционеры норовят обидеть не кого-нибудь, а именно его - бедного и старого железнодорожного служащего. На эту жалостливую тираду Петрова Антонов ответил, что, во-первых, революционеры идут не против служащих, а против правительства, а во-вторых, он прекрасно понимает сложное положение начальника и даже сочувствует ему, ибо у самого старик-отец бедствует, а потому и соглашается немедленно дать расписку, хотя отдает себе отчет, что рискует головой. И Антонов вывалил все деньги на стол начальнику, который тут же деловито принялся их считать. Два раза.

Антонов не лгал. Его вдовый /с 1907 года/ отец действительно был уже стариком и жил со своим младшим сыном Дмитрием отнюдь не в роскоши и не где-нибудь, а здесь же, в Инжавино, где у него была небольшая слесарная мастерская.

Как только Петров назвал итоговую сумму, Антонов сгреб обратно деньги и без колебаний написал следующую расписку / орфография подлинника/:

"Четыре тысячи триста шесдесят два рубля 85 коп взято партией анархистов индивидуалистов Член партии".

Сознательно исказив в расписке свою партийную принадлежность, "грамотей" Антонов совершенно не изменил своего обычного почерка, образец которого уже имелся в губернском жандармском управлении.

И хотя Антонов выдал расписку на названную выше сумму,

позднее выяснилось, что фактически им было "экспроприировано" лишь 4340 руб. 25 коп. То есть начальник станции обсчитал его на 22 руб. 60 коп.

По завершении формальностей Антонов и его сообщники согнали и заперли всех находившихся на станции в помещении конторы, приказав не предпринимать попыток выхода в течение ближайшего получаса, оборвали телефонные провода /телеграфа тупиковая станция Инжавино еще не имела/ и покинули вокзал.

На следующий день /4 ноября/ станция Инжавино была буквально запружена прибывшими сюда чинами полиции и железнодорожной жандармерии. Не осталось в стороне и губернское жандармское управление, начальник которого, узнав о подробностях ограбления, сразу же заподозрил об участии в нем Антонова. Именно полковник Устинов прислал в Инжавино фотографию Антонова, в котором свидетели ограбления признали человека, руководившего налетом на станцию. К тому же почерковедческая экспертиза подтвердила, что дарственная надпись на фото и текст расписки, оставленной грабителем, написаны рукой одного и того же человека.

5 ноября в соседнем с Инжавино селе Карай-Салтыково полиция арестовала одного из грабителей /Лобкова/, который не только сам сознался в совершенном преступлении, но и выдал имена всех остальных его участников. Тут же были арестованы еще два "экспроприатора" /Рогов и Поверков/, а также коноплянские крестьяне отец и сын Дмитрий Дмитриевич и Гавриил Дмитриевич Любины, в доме которых два дня после ограбления скрывались Антонов и Ягодкин. Все арестованные признали свою вину, а при обысках у них было изъято 347 рублей и два револьвера. Кроме того, в доме тещи Ягодкина в пригороде Кирсанова полиция изъяла еще 496 рублей "экспроприированных" в Инжавино денег, а сам Ягодкин успел скрыться только благодаря грубой оплошности полицейских. Забегая несколько вперед, скажем, что Ягодина арестуют лишь в августе 1909 года.Что же касается Антонова, то было установлено, что 5 ноября он пешком ушел из Коноплянки в неизвестном направлении. Полицейская версия, что Антонов направился на станцию Мучкап /Борисоглебский уезд Тамбовской губернии/, где проживала замужем за начальником станции его старшая сестра Валентина, проверкой не подтвердилась.

А вот жандармы почему-то посчитали, что Антонов поехал в Пензу, к другой своей сестре, Анне, работавшей там продавщицей в музыкальном магазине. Анна Антонова /на 2 года старше Александра/ была уже давно и хорошо известна тамбовским жандармам своей политической неблагонадежностью и близостью

к эсерам. В донесениях тамбовских филеров проходила под кличкой наблюдения "Умная".

В Пензе же она и вовсе стала заметной активисткой местной эсеровской организации, превратив свою квартиру на Московской улице в место постоянных тайных встреч виднейших пензенских эсеров, что, естественно, не осталось незамеченным жандармами, установившими жесткое филерское наблюдение за "Пластинкой» (кличка наблюдения Антоновой в Пензе).

Предупрежденные из Тамбова о возможном появлении в Пензе "разбойника Шурки", здешние жандармы усилили наблюдение за Анной Антоновой, но разыскиваемый брат ее так и не попался на глаза пензенским филерам. Да и не мог попасть.

ПРИГОВОР ГЕНЕРАЛУ

Как выяснилось позже, из Коноплянки, с деньгами, Антонов направился в Саратов, в распоряжение Поволжского областного комитета партии эсеров, готовившего убийство командующего войсками Казанского военного округа генерал-лейтенанта Александра Генриховича Сандецкого. Смертный приговор генералу эсеры вынесли год назад за его жестокость при подавлении крестьянских выступлений в Поволжье во время первой русской революции.

Для приведения в исполнение этого приговора были отобраны три человека: сбежавший из пермской ссылки крестьянин деревни Крутец Сердобского уезда Саратовской губернии Иван Яковлевич Короткое /в будущем известный поволжский чекист/, учитель села Шевыревка Саратовского уезда Тимофей Иванович Мерзлов и Антонов, который должен был первым попытаться убить генерала Сандецкого. Разумеется, согласившись пойти на такой террористический акт, девятнадцатилетний Антонов не мог не понимать, что тем самым подписывает себе смертный приговор.

От бдительного ока саратовских шпиков не ускользнуло появление в городе невысокого /164,5 см/ молодого человека, вступившего в контакт с лицами, известными жандармам своей принадлежностью к Поволжскому эсеровскому обкому. В поле зрения филеров Саратовского охранного отделения этот молодой человек попал 23 ноября 1908 года. Еще не определив в нем разыскиваемого Антонова, саратовские шпики окрестили его не очень-то интеллигентной кличкой наблюдения "Осиновый".

Казалось, судьба Антонова была предрешена, и ему уже не избежать скорого ареста. Однако думать, что арест Антонова был

предопределен исключительно на берегах Волги, было бы неверно. Ибо жандармские щупальца тянулись к нему не только из Саратова или Тамбова, но и из самого Парижа.

Дело здесь в том, что после завершившейся в августе 1908 года Лондонской общепартийной конференции, ЦК партии эсеров решил принять экстренные меры к восстановлению или же укреплению своих областных комитетов в России, и в первую очередь - Поволжского обкома. Для непосредственного руководства на месте восстановлением нормальной деятельности Поволжского обкома эсеровский ЦК выделил своего особоуполномоченного - видного эсера Осипа Соломоновича Минора, находившегося в парижской эмиграции, будущего председателя Московской городской Думы при Временном правительстве.

В течение сентября Минор подобрал из эсеров-эмигрантов десятка полтора человек, которым предстояло нелегально переправиться в Россию, осесть в Поволжье и приступить к реанимации эсеровских губкомов в Саратове, Казани, Нижнем Новгороде, Тамбове и Пензе. В октябре 1908 года эмиссары Минора прибыли в Саратов, восстановили кое-какие партийные связи и, наивно посчитав, что их прибытие осталось жандармам неизвестно, просигнализировали Минору в Париж о своем благополучном прибытии и обустройстве.

В конце ноября выехал в Россию и Минор. Но еще в Париже, благодаря установившейся связи со своими эмиссарами в Саратове, он был в курсе всех дел поволжских эсеров. Знал Минор и о готовящемся покушении на генерала Сандецкого. Об этом не стоило бы и упоминать, если бы перед отъездом из Парижа Минор не беседовал подолгу и не консультировался с главным боевиком эсеровской партии Евно Фишелевичем Азефом - печально знаменитым оберпровокатором в российском революционном движении, уже 15 лет работавшим на Департамент полиции.

Бедный Антонов! Мог ли он думать, что где-то далеко, в парижском кафе "Дюмесниль", что на Монмартре, его за чашкой кофе отдают на заклание жандармам и фактически набрасывают петлю на его бесшабашную голову. Но самое досадное было то, что до скандального разоблачения Азефа оставались считанные дни!

20 декабря Минор "благополучно" прибыл в Саратов. А четырьмя днями раньше, в связи с поступившей от Азефа информацией, в Самаре состоялось совещание начальников жандармских управлений семи поволжских губерний /включая Тамбовскую/ и Уральской области. Основными обсуждавшимися

вопросами были: выявление и арест участников готовящегося покушения на генерала Сандецкого, а также ход подготовки операций по ликвидации эсеровских организаций в Поволжье.

Жандармам было уже известно, что организацией убийства Сандецкого руководит член Поволжского эсеровского обкома, личный эмиссар Минора в Саратове Борис Владимирович Бартольд, прибывший недавно из Парижа. Знали жандармы и о существовании трех потенциальных убийц. Но если о двух из них - Короткове и Мерзлове - было известно практически все, то о причастности Антонова к готовящемуся покушению охранка еще не подозревала.

Совещание начальников жандармских управлений завершилось договоренностью умножить усилия по выявлению и задержанию третьего, самого опасного террориста, после чего начать повальные аресты эсеров по всему Поволжью.

АРЕСТ

Особую активность в установлении личности третьего террориста проявил начальник Саратовского охранного отделения ротмистр Александр Павлович Мартынов - Шерлок Холмс российского политического сыска, будущий полковник и последний начальник Московского охранного отделения. Уже 20 декабря он установил и сообщил, куда и кому следует, что этим террористом является "прибывший в Саратов в ноябре сего года нелегальный из Тамбовской губернии, уроженец Кирсановского уезда, настоящее имя и фамилия его Отделению не известны; ...Отделению известен под кличкой наблюдения "Осиновый".

Лучшим своим филерам ротмистр Мартынов приказал не спускать глаз с "Осинового". Но и "Осиновый" оказался не так-то прост. 22 декабря, применив так и не разгаданный шпиками конспиративный прием, он на железнодорожном вокзале ушел из-под наблюдения. Ротмистр Мартынов, которому, в случае убийства "Осиновым" генерала Сандецкого, грозили серьезные неприятности, был вне себя от ярости. Но все попытки его опростоволосившихся филеров найти "Осинового" в Саратове, ни к чему ни привели. Антонов как в воду канул.

Истекали последние дни 1908 года, а сведений о "всплытии" где-либо "Осинового" все не поступало.

А Антонов был уже в Самаре, куда приехал по делам, связанным с подготовкой покушения на Сандецкого. С этой же целью сюда прибыл руководитель пензенских эсеров Александр Иванович Метальников и вот-вот должен был приехать из

Саратова Бартольд.

Как раз в эти дни в Россию из-за границы пришло известие о разоблачении Азефа, которое вызвало в эсеровской среде настоящий шок, переросший затем в психоз излишней подозрительности и недоверия эсеров друг к другу. В особо острой форме это проявилось по отношению к боевикам и недавно вернувшимся из-за границы нелегалам.

Поэтому неудивительно, что прибывший в Самару и никому неизвестный здесь лично боевик-нелегал Антонов был встречен на явочной квартире более чем прохладно. Явившись с Рекомендательным письмом от Бартольда к некой Кричевской, он был попросту выгнан из квартиры.

Оказавшемуся в лютый декабрьский мороз на улице незнакомой Самары Антонову не оставалось ничего другого, как в нарушение всех правил конспирации, отправиться ночевать' в гостиницу "Ташкент" и ждать приезда Бартольда. Но Бартольд в Самару не приехал.

Подгоняемые разоблачением своего суперагента Азефа жандармы начали серию повальных арестов эсеров в Поволжье. 2 января 1909 года в Саратове был арестован почти в полном составе Поволжский обком во главе с Минором и Бартольдом. 5 января жандармы провели ликвидацию Пензенской эсеровской организации; в числе семнадцати арестованных оказалась и Анна Антонова. В тот же день в Самаре был схвачен лидер пензенских эсеров Метальников.(38) 11 января волна арестов прокатилась по Тамбовской губернии."

Быстро сгущались тучи и над Антоновым. 27 декабря жандармы узнали, что "Осиновый" находится в Самаре и имеет фальшивый паспорт на имя Александра Дмитриевича Полякова, сына отставного коллежского асессора. А 1 января саратовский ротмистр Мартынов сообщил начальнику Самарского губернского жандармского управления полковнику Алексею Павловичу Критскому, что "Осиновый" - это "Александр Степанович Антонов, участник ограбления в Инжавино".(40)

Эта идентификация ничего хорошего Антонову не предвещала. На него тотчас же был объявлен всероссийский розыск, а за его поимку установили награду в 1000 рублей - годовой оклад начальника губернского жандармского управления.

Найти Антонова в Самаре жандармам не удалось. Очевидно, его спасло то обстоятельство, что отвергнутый с порога местными эсерами, он так и не установил с ними связь, а вдобавок вовремя успел перебраться из гостиницы на квартиру некой Варвары Леонтьевой, с которой познакомился в совершенно приватном

порядке.

Пробыв в Самаре до середины января, но так и не дождавшись Бартольда, Антонов решил вернуться в Саратов, чтобы узнать в чем дело и что ему, в конце-то концов, делать дальше?

В Саратове Антонов сразу понял, что здесь произошло что-то неладное, и поэтому вел себя предельно осторожно. Это позволило ему какое-то время остаться вне поля зрения ищеек ротмистра Мартынова. А вот погубила Антонова, на наш взгляд, его излишняя настырность в попытках установить связь с остатками разгромленной Саратовской эсеровской организации. Видных и хорошо знавших его эсеров Антонову найти не удалось. А те, кого он все-таки нашел, были напуганы недавними арестами и поэтому потребовали от него доказательств своей принадлежности к эсеровской партии. Антонов с горя согласился и дал фамилии и адреса трех знакомых эсеров в Тамбове.

Подтверждение несомненной принадлежности А. С. Антонова к партии эсеров и его столь же бесспорных заслуг перед ней пришло в Саратов 18 февраля 1909 года. Однако подтверждение это пришло от начальника Тамбовского губернского жандармского управления В. С. Устинова и адресовано было начальнику Саратовского охранного отделения А. П. Мартынову.

Остальное, как говорится, было уже делом техники.

Вечером 19 февраля лучшие саратовские филеры, держась на почтительном расстоянии, проводили Антонова на ночлег в дом № 24 по Покровской /ныне Лермонтова / улице. А утром 20 февраля его без звука взяли прямо в доме. Причем арест произошел для Антонова настолько внезапно, что он не успел даже выхватить из кармана свой шестизарядный "бульдог".

Из рапорта ротмистра
А. П. Мартынова директору
Департамента полиции
21 февраля 1909 г.

"...Антонов прибыл в Саратов в конце минувшего года, вошел в состав местной организации партии соц.-рев., наблюдался под кличкой "Осиновый"; был зачислен Поволжским областным комитетом названной партии в боевую областную организацию и считался 1-м исполнителем по подготовлявшемуся в то время покушению на жизнь генерала Сандецкого.

...Антонов выехал без наблюдения в Самару, где проживал до середины января сего года. В Самаре взят в наблюдение не был и остался Самарскому жандармскому управлению неизвестен. После прибытия в Саратов вошел немедленно в наблюдение и 20 сего февраля арестован. По обыску у него отобран заряженный

револьвер и паспорт на имя крестьянина Куриловской волости Новоузенского уезда Самарской губ. Петра Трофимовича Куликова и шифрованная запись.

По имеющимся у меня агентурным сведениям, Антонов предполагал в непродолжительном времени выехать в Тамбовскою губернию и совершить там ряд террористических покушений.

Вместе с Антоновым задержаны братья-крестьяне Оренбургской губ.. Покровской вол., села Черепановки Куприян и Алексей Осиповичи Михалевы, у которых Антонов находил себе приют, и не имевший определенных занятий крестьянин /села Куликовки. Юловской волости. - В. С/ Вольского уезда Павел Федорович Лексин, проживающий совместно с Михалевыми и замеченный в сношениях с Антоновым. По обыску у Лексина найден рисунок печати для фальшивых паспортов Покровского волостного правления Оренбургской губ.; рисунок этот приобретает большое значение ввиду того, что по обыску у Антонова оказалась выпись на отдельном клочке паспортных сведений самого Лексина, очевидно, данная им Антонову для сфабрикования в будущем дубликата паспорта.

Все эти сведения к задержанным переданы в распоряжение начальника Саратовского губернского жандармского управления".

Сразу после ареста Антонов был отправлен в Саратовскую губернскую тюрьму, где подвергся жесточайшим пыткам с использованием "фирменной" смирительной рубашки начальника тюрьмы Гумберта, а братья Михалевы и Лексин попали в кутузку 3-го полицейского участка.

На первом же допросе Михалевы показали, что Антонова к ним вечером 19 февраля привел с просьбой оставить переночевать однокашник Алексея Михалева - учащийся Саратовского среднетехнического училища Григорий Федорович Нечипай. Было названо и имя еще одного учащегося этого же училища - Леонида Алексеевича Кинчина, также имевшего контакты с Антоновым. После проверки показаний Михалевых, они были отпущены домой, и больше к ним жандармы претензий не имели.

В ночь на 22 февраля, по личному указанию ротмистра Мартынова, полиция арестовала Г. Ф. Нечипая и Л. А. Кинчина и произвела у них обыски. Дальнейшее расследование показало, что Нечипай и Кинчин имели связи с Саратовской эсеровской организацией, хранили у себя запрещенную литературу, организовали в своем училище эсеровскую ячейку, а также были главными укрывателями Антонова в Саратове. Отыскали жандармы эсеровские грешки и за арестованным крестьянином

Лексиным.

Подводя итог дознанию в отношении Нечипая. Кинчина и Лексина, начальник Саратовского губернского жандармского управления полковник Владимир Константинович Семигановский писал, что эти молодые люди представляют собой уже вполне созревших партийных работников и в будущем окажут вредное влияние не только на учащихся Саратовского среднетехнического училища, но "и вообще на сохранение общественного спокойствия".

В апреле 1909 года вся эта троица была в административном порядке выслана из пределов Саратовской губернии.

А Александра Антонова 15 апреля того же года отправили под усиленным конвоем в Тамбовскую губернскую тюрьму где им вплотную занялись гражданские и военные следователи по особо важным делам.

СЛЕДСТВИЕ

Как только в Тамбове стало известно о поимке Антонова, то были немедленно возобновлены следствия по делам о нанесении им огнестрельных ранений городовому С. П. Тихонову, лес-ному кондуктору В. И. Шипилову и об ограблении кассы станции Инжавино.

На первом же допросе Антонов твердо заявил следователям, что виновным себя ни в чем не признает, а от дачи всяких показаний и объяснений категорически отказывается.

Кроме вышеназванных дел, участие Антонова в которых является действительно бесспорным, жандармы и полиция попытались "навесить" на него и такие дела, к которым он не имел никакого отношения. Об этом можно было бы и не говорить, если бы два таких дела не упоминались - пусть и очень глухо - в нашей исторической литературе. Речь идет об убийстве сельского старосты Бирюкова и об ограблении Ржаксинской винной лавки.

Автор этих строк приложил немало усилий, прежде чем нашел в архивах Тамбова и Москвы следственные дела по этим преступлениям. И в результате тщательного изучения этих дел пришел к совершенно однозначному выводу: Александр Степанович Антонов не имеет ни малейшего отношения к ограблению 9 ноября 1907 года казенной винной лавки в поселке Ржаксинские Выселки Кирсановского уезда и к нанесению 11 ноября того же года смертельного огнестрельного ранения старосте села Лу-кино Кирсановского уезда Ивану Александровичу Бирюкову. Собственно, к такому же выводу

пришли в свое время и следователи по особо важным делам, которые расследовали и перерасследовали эти преступления. Также, кстати, считала и достаточно информированная о делах своего брата Анна Антонова.

Объективности ради надо сказать и о том, что на Антонова пытались "списать" и еще два дела: ограбление 2 сентября 1906 году в лесу у села Чернавка Кирсановского уезда сборщика налогов Феона Архиповича Насонова на сумму около 5000 рублей и ограбление в том же уезде Балыклейского волостного правления в ночь на 25 марта 1908 года. Имел ли Антонов отношение к этим двум преступлениям - достоверно пока неизвестно.

СУД ГРАЖДАНСКИЙ

12 марта 1910 года выездная сессия Саратовской судебной палаты рассмотрела в Тамбове дело по обвинению Александра Степановича Антонова в нанесении им огнестрельных ранений городовому Сергею Павловичу Тихонову 13 июня 1908 года и лесному кондуктору Владимиру Ивановичу Шипилову 21 июня того же года. Суд постановил: лишить мещанина А. С. Антонова всех прав состояния и сослать на 6 лет в каторжные работы.

Предстал перед судом и крестьянин Михаил Николаевич Савельев, который, как известно, помог Антонову скрыться с места преступления. Суд постановил: признать участие М. Н. Савельева в вышеупомянутом преступлении недоказанным и считать по суду оправданным.

СУД ВОЕННЫЙ

В понедельник, 15 марта 1910 года, в 11 часов утра А. С. Антонов вместе с другими участниками ограбления кассы железнодорожной станции Инжавино Г. И. Ягодкиным, И. И. Роговым, Г. С. Поверковым, Ф. З. Лобковым и укрывателем грабителей Г.Д. Любиным /его отец умер в Кирсановской тюрьме 2 февраля 1909 года / предстал перед так называемым "Временным военным судом в г. Тамбове", а по существу - выездной сессией Московского военно-окружного суда.

Процесс проходил при закрытых дверях в здании Тамбовского уездного земского съезда. Все обвиняемые имели назначенных судом казенных защитников. Антонова защищал присяжный поверенный князь Василий Петрович Ишеев - виднейший тамбовский кадет. Кроме Поверкова и Любина, все обвиняемые признали себя виновными.

В тот же день этот военный суд из трех человек /генерал-майор Дубле и подполковники расквартированного в Тамбове 7-го запасного кавалерийского полка Владимир Сергеевич Попов 1-й и Алексей Михайлович Попов 2-й/ признал всех подсудимых виновными и вынес приговор: Антонова, Ягодкина, Лобкова и Рогова - к смертной казни через повешение, Поверкова - к бессрочной каторге, а Любина - к 15 годам каторжных работ.

Никто из приговоренных к смертной казни прошений о помиловании не подал.

Однако смертный приговор, поглотивший собой для Антонова приговор Саратовской судебной палаты, еще не был окончательным и подлежал утверждению командующим войсками Московского военного округа.

Рапорт
командующего войсками Московского военного округа
генерала от кавалерии П. А. Плеве
министру внутренних дел П. А. Столыпину
26 марта 1910 г.

"Временный военный суд в г. Тамбове 15 сего марта приговорил мещанина Александра Антонова и крестьян Ивана Рогова. Федота Лобкова и Гавриила Ягодкина к смертной казни через повешение, признав их виновными в разбойном нападении 3 ноября 1908 года на станцию Инжавино Рязано-Уральской железной дороги, во время какового нападения из станционной кассы было похищено 4340 руб. 25 коп.

Принимая во внимание: 1) полное чистосердечное сознание

всех названных осужденных на суде, а трех из них /кроме Антонова. - В. С/ и на следствии, тотчас же по задержании, и 2) то, что во время вышеупомянутого нападения злоумышленниками никому не было причинено никакого физического вреда, признавал бы возможным заменить названным осужденным смертную казнь ссылкою в каторжные работы: Антонова и Ягодкина -без срока, а Рогова и Лобкова - на 20 лет каждого.

...О таковом предположении своем уведомляю Ваше Высокопревосходительство и прошу не отказать в сообщении Вашего по сему предмету мнения."

29 марта российский премьер-министр и одновременно министр внутренних дел Петр Аркадьевич Столыпин телеграфировал ответ: "Смягчению участи Александра Антонова, Ивана Рогова, Федота Лобкова, Гавриила Ягодкина /в. - В.С./ предположенном размере препятствий не встречаю".

4 апреля 1910 года командующий войсками Московского военного округа генерал Павел Адамович Плеве утвердил, наконец, приговор Временного военного суда в г. Тамбове от 15 марта "с заменою мещанину Александру Антонову и крестьянам Ивану Рогову, Федоту Лобкову и Гавриилу Ягодкину смертной казни ссылкою в каторжные работы: Антонова и Ягодкина без срока, а Рогова и Лобкова на двадцать лет каждого с установленными законом последствиями и крестьянину Григорию Поверкову ссылки в каторжные работы без срока ссылкою в таковые же работы на пятнадцать лет". В отношении Гавриила Любина приговор /15 лет каторги/ был оставлен без изменения.

КАТОРГА

Вот так Александр Степанович Антонов "загремел" на каторгу /а не в ссылку, как утверждают наши энциклопедии/ отбывать которую начал тут же, в Тамбовской губернской тюрьме. Однако, как очень быстро выяснилось, отсиживать до конца свой бесконечный срок Антонов явно не собирался. Деятельная натура, он еще в июле 1909 года разработал детальный план побега и обратился в Поволжский эсеровский обком с просьбой занять ему 700 рублей для подкупа нескольких тюремщиков. Обком немедленно командировал в Тамбов товарища Антонова - кирсановского эсера Константина Николаевича Баженова, но тот поступил не совсем по-товарищески, когда, вернувшись, доложил обкому, что побег абсолютно невозможен.

Но и брошенный родной партией на произвол судьбы Антонов не угомонился. 14 апреля 1910 года он перепилил

кандалы и решетку на окне своей камеры №3 на первом этаже, вылез наружу, но был схвачен бдительной тюремной охраной. За попытку побега и порчу казенного имущества /кандалов и решетки/ начальник тюрьмы Михаил Алексеевич Чековский посадил Антонова на неделю в темный карцер.

Выйдя из карцера, Антонов все равно не стал образцовым обитателем Тамбовской губернской тюрьмы. Но то, что он совершил утром 28 июня 1910 года, привело в изумление даже видавшую виды тюремную администрацию. Находясь опять-таки в "любимом" карцере № 8, Антонов совершенно непонятным образом умудрился пробить дыру в потолке, проник через нее в тюремную церковь, где и был случайно обнаружен.

Желая поскорее избавиться от такого беспокойного "клиента", начальник тюрьмы с первым же каторжным этапом отправил Антонова в Московскую центральную пересыльную тюрьму, куда тот и прибыл 6 августа 1910 года.

11 февраля 1911 года Антонов был эпатирован (как всегда, "под особо бдительным надзором") в "родную" Тамбовскую губернскую тюрьму для участия в качестве свидетеля "по делу некоего Туру сова и других".

В Тамбове Антонов задержался до апреля 1912 года и, судя по всему, успел там что-то отчубучить, после чего был тут же этапирован обратно в Московскую центральную пересыльную тюрьму, где и отсидел с 20 апреля по 1 мая десять суток карцера определенные ему Тамбовским окружным судом.

Не пришелся Антонов и по душе начальнику Московской пересыльной тюрьмы, ибо уже 24 мая 1912 года оказался в печально знаменитом Владимирском централе, или - официально - Владимирской временной каторжной тюрьме , откуда, как известно, за все время (от "введения в строй" и до наших дней) был совершен всего лишь один побег - большевика Михаила Васильевича Фрунзе.

В первый же день своего пребывания во Владимирском централе Антонов получил семь суток карцера за нанесения телесных повреждений некоему арестанту Вержбицкому, который опрометчиво попытался ознакомить новичка с правилами поведения в "своей" камере. Правда, тюремное начальство быстро разобралось в сущности произошедшего конфликта, и Антонов был выпущен из карцера уже через 18 часов.

Как свидетельствуют архивные документы, до конца своего сидения во Владимирском централе он еще четыре раза попадал в темный карцер. А вообще-то, по правде сказать, начальство тюрьмы относилось к нему не совсем справедливо, а порою совсем уже не по закону. Так, например, по существующим тогда

тюремным правилам, кандалы с Антонова должны были снять 15 мая 1915 года, однако об том ему официально объявили лишь 23 декабря, а фактически "расковали" только 28 мая 1916 года.

Свободу Александру Антонову принесла Февральская революция. И случилось это 4 марта 1917 года, когда накануне во все тюрьмы и каторги России пришла из Петрограда телеграмма министра юстиции Временного правительства А. Ф. Керенского, гласившая, что все политзаключенные и политкаторжане амнистируются и немедленно выпускаются на свободу."

Путь Антонова лежал в Тамбов.

Часть вторая

В ТАМБОВЕ

В Тамбове Антонов "пошел", как известно, по милицейской линии. 15 апреля 1917 года он начал работать младшим помощником начальника 2-й части /райотдела/ Тамбовской городской милиции. 20 мая сюда же устроился и его младший брат Дмитрий, учившийся в свое время в Кирсановском мужском приходском училище, а будучи призван в 1916 году в армию, окончил там ускоренный курс военно-фельдшерской школы.

Интересная деталь. Первым председателем Тамбовского городского Совета оказался адвокат Антонова на военном суде 15 марта 1910 года князь Василий Петрович Ишеев. А защитник двух других подельников Антонова /Любина и Поверкова/ эсер Константин Николаевич Шатов вознесся еще выше, став комиссаром Временного правительства в Тамбовской губернии.

Однако, несмотря на наличие таких высокопоставленных знакомых, Александр Антонов за полгода не продвинулся ни на одну ступеньку по служебной лестнице, а все ходил в младших помощниках. Правда, теперь уже начальника 1-й части. Что же касается встречающихся в нашей исторической литературе утверждений, что Антонов дослужился в Тамбове до начальника всей городской или даже губернской милиции, то они не имеют под собой абсолютно никаких оснований.

Кто знает, сколько бы еще прозябал Антонов в младших помощниках, не позаботься о нем его старые товарищи по дореволюционному эсеровскому подполью: Петр Егорович Булатов - дворянин из села Семеновки Кирсановского уезда, возглавивший в сентябре 1917 года Тамбовскую городскую милицию, и Константин Николаевич Баженов - комиссар Временного правительства в Кирсановском уезде, как раз

подыскивавший толкового начальника уездной милиции. Ибо нынешний - корнет Орест Орестович Турау /как, впрочем, и его предшественник корнет Ю. А. Давидайтис/ - явно не справлялся со своими сложными обязанностями.

Надо отметить, что Баженов довольно ловко организовал и провел заочное выдвижение и назначение Антонова начальником Кирсановской уездной милиции. Кстати, Баженову в этом очень помог известный кирсановский эсер Виктор Николаевич Михневич. В результате их совместных действий в Тамбов посыпались ходатайства отпустить Антонова в Кирсанов в связи с назначением его начальником уездной милиции.

Первым на эти просьбы в Тамбове откликнулся начальник городской милиции Булатов, произведя 23 октября 1917 года Антонова в свои вторые помощники и тут же откомандировав его в распоряжение губернского инспектора милиции, который уже через несколько часов получил от Кирсановской уездной земской управы телеграмму следующего содержания:

"Просим срочно откомандировать Антонова ввиду назначения его начальником уездной милиции. Уезд спешно нуждается в его приезде."

Более подробно причины перевода Антонова изложил председатель Кирсановской уездной земской управы Василий Тимофеевич Окунев в своем письме, направленном 24 октября на имя губернского инспектора милиции:

"Уездная земская управа честь имеет просить Вас откомандировать в г. Кирсанов помощника начальника Тамбовской городской милиции А. С. Антонова. Просьба эта вызвана тем, что Кирсановская милиция по настоящее время совершенно не организована и, несмотря на принятые меры со стороны управы, до сего времени нельзя найти человека, которому можно поручить организацию милиции.

Ввиду того, что и в городе, и в уезде царит полнейший непорядок, управа ходатайствует разрешить Антонову командировку в срочном порядке; дальнейшее промедление очень невыгодно отразится на общем положении дела."

Через несколько дней согласие губернского инспектора милиции на перевод Антонова в Кирсанов было получено.

В самом начале ноября 1917 года в жизни 28-летнего Александра Антонова произошло естественное, но все же неординарное событие - женитьба на 25-летней тамбовчанке Софии Васильевне Орловой-Боголюбской, о которой достоверно известно очень мало: окончила 5 классов гимназии, беспартийная, проживала с матерью в доме № 20 по улице Красной, имела неродных по отцу сестру и брата - Клавдию и

Александра Алексеевичей Боголюбских.

Сразу же после свадьбы супруги Антоновы выехали в Кирсанов, где поселились в доме Апоницких по улице Почтовой. А не позднее 8 ноября Александр Степанович уже вступил в должность начальника Кирсановской уездной милиции.

НАЧАЛЬНИК УЕЗДНОЙ МИЛИЦИИ

Нелегкое место службы досталось Антонову. Ведь что представлял собой огромный Кирсановский уезд, раскинувшийся на 6 тысяч квадратных километров? 4 района с 37-ю волостями и 438 населенных пунктов с 350-ю тысячами сельских жителей.

А какими силами располагал начальник уездной милиции? Один заместитель /уже упоминавшийся эсер В. Н. Михневич, которого через пару месяцев сменил беспартийный Николай Адамович Дыбовский/, 4 начальника районных милиций, 37 старших волостных милиционеров, плюс 17 конных да 40 пеших милиционеров и, наконец, канцелярия из пяти человек. То есть к моменту прихода Антонова Кирсановская уездная милиция насчитывала всего 100 "активных штыков".

А вот оперативная обстановка в уезде была хуже некуда. Уголовная преступность распускалась махровым цветом. Не отставала от нее и так называемая классовая борьба - разгром и грабеж помещичьих имений и богатых хуторов. Малочисленная уездная милиция была просто не в состоянии сколько-нибудь эффективно противодействовать безудержному разгулу преступности и беззакония и, в лучшем случае, старалась держать с грабителями и разбойниками вооруженный нейтралитет. Но и это удавалось далеко не всегда и не везде. Да и что тут говорить о распыленной по огромной территории уездной милиции, если куда относительно более сильная городская милиция, попытавшаяся навести хоть какой-то порядок в самом Кирсанове, была 1 июня 1917 года разгромлена самым беспощадным образом.

Так как же проявил себя Александр Степанович Антонов на посту начальника Кирсановской уездной милиции, который он бессменно занимал до середины июля 1918 года, когда ушел в отпуск?

Явно некабинетный работник, он сразу же начал мотаться по всему уезду с небольшим отрядом конных милиционеров, гоняясь за шайками грабителей, конокрадов и прочих разбойников с большой дороги, которые со временем, надо отметить, заметно присмирели. Поймал Антонов и знаменитого на Тамбовщине

разбойника и конокрада Ваську Селянского - крестьянина села Пахотный Угол Тамбовского уезда, будущего командира 8-го Пахотно-Угловского антоновского полка. Правда, пойманный в районе Инжавино и отправленный, ввиду губернского масштаба своей "деятельности", в Тамбов, Селянский сбежал там от конвоя на железнодорожном вокзале.

18 декабря 1920 года отряд антоновцев под командованием В. Ф. Селянского выбил красных из села Анастасьевское / Бондари/ Тамбовского уезда, после чего местные жители разграбили находившийся здесь филиал одной из Рассказовских суконных фабрик. Информация о случившемся дошла до В. И. Ленина. Но в таком искаженном виде, что он понял ее так. что антоновцы захватили и разграбили все фабрики в Рассказово - центре суконной промышленности Тамбовской губернии. Разгневанный Ленин потребовал от наркома внутренних дел Ф. Э. Дзержинского немедленно объявить строгий выговор командующему внутренними войсками В. С. Корневу, отдать под трибунал виновных тамбовских губисполкомовцев и чекистов и вообще принять самые решительные меры к подавлению антоновщины. В результате этого вмешательства Ленина, против антоновцев были впервые двинуты части регулярной Красной армии, а подавление восстания было взято под жесткий контроль Москвы.

Вот так бывший конокрад Селянский "отомстил" бывшему начальнику милиции Антонову за свой арест в июле 1918 года.

Немало сил и нервов потратил Антонов, борясь с беззастенчивым разграблением помещичьих имений и экономии / будущих коммун и совхозов/ крестьянами, что, естественно, вызывало у последних сильное недовольство начальником уездной милиции. Известный тамбовский чекист Михаил Иванович Покалюхин, сыгравший свою роковую роль в судьбе Антонова, вспоминал в 1923 году:

"Помню один характерный случай. В моем родном селе / Нижние Пески Васильевской волости Кирсановского уезда/ крестьяне выгнали свою барыню М. И. Олив и не дали ей ничего, даже из движимого домашнего обихода.

- Мы тут всю жизнь трудились, мы и будем всем пользоваться, - говорили наши мужики.

Обиженная барыня обратилась тогда к кирсановскому комиссару Временного правительства Баженову /правый эсер, друг Антонова/. Дело это было в конце 1917 г., уже после Октябрьской революции, но власть в Тамбовской губ. еще оставалась в руках эсеров. Баженов поручил начмилиции Антонову "одернуть" песковских мужиков и защитить "свободу

личности" барыни Олив. Приказание было исполнено - в Пески прислали отряд милиции. Сперва мужики и местные большевики, пришедшие с фронта, хотели было воспрепятствовать милиции выступить в защиту барыни. Для этого было приготовлено даже несколько винтовок. Но дело не взялось, антоновцы пересилили и заставили мужиков на собственных же лошадях отвезти барыне в Кирсанов нужную ей обстановку. Подобных случаев "ревностного" отношения Антонова к службе - немало."

Однако самым ярким событием в милицейской биографии Антонова является, бесспорно, разоружение им нескольких эшелонов чехословацкого экспедиционного корпуса, следовавших на восток через станцию Кирсанов. А ведь известно, что дело это было весьма сложным и почти нигде не удавалось. Вероятно, поэтому Кирсановский Совет и наградил Антонова маузером, совершенно не интересуясь, куда же потом девалось отобранное у чехословаков оружие. Ведь, как выяснилось позже, доблестный начальник уездной милиции его никому не сдавал.

Следует сказать и о том, что, по некоторым недокументальным сведениям, Антонов был замечен в "собирательстве" оружия еще в Тамбове. Так, секретарь Тамбовского губкома РКП/б/ Борис Афанасьевич Васильев написал в своих воспоминаниях, что Антонов причастен к произошедшим в октябре 1917 года похищению трех возов винтовок со двора Тамбовской городской управы и ограблению артиллерийского склада в Тамбове.

В первом случае, на запрос большевистской фракции горсовета, председатель городской управы /видный эсер, в кабинете которого частенько видели Антонова/ и начальник Тамбовской городской милиции Булатов официально ответили, что никакого оружия во дворе городской управы вообще не было, а запрос большевиков - их обычная провокация. Во втором же случае Тамбовский горсовет создал специальную следственную комиссию, председателем которой оказался все тот же Булатов, а одним из ее членов - Антонов. Естественно, пишет Васильев, что такая следственная комиссия не нашла ни грабителей, ни оружия, а лишь установила, что ограбление было совершено какими-то "приезжими из-за города".

"Большой ошибкой" кирсановских коммунистов назвал Васильев то, что они, придя к власти в феврале 1918 года, оставили левого /а не правого, как принято считать/ эсера Антонова на посту начальника уездной милиции, а не поступили по примеру Тамбова, где начальника гормилиции эсера Булатова заменили коммунистом уже на второй день большевистской власти. Такую терпимость к Антонову Васильев объясняет тем,

что председателем Кирсановского уисполкома, а затем и уездным комиссаром внутренних дел /до 20 марта 1918 года/ был приятель Антонова К. Н. Баженов - левый эсер, перекрасившийся позднее в "революционного коммуниста", что, впрочем, не спасло его в будущем от нескольких арестов, в том числе и "за участие в антоновщине".

Конечно, при Баженове Антонов чувствовал себя поуверенней. Однако объяснять его "непотопляемость" только поддержкой Баженова было бы неверно. Дело в том, что за те 9 месяцев, в течение которых Антонов возглавлял Кирсановскую милицию, он показал себя отличным начальником. При нем уездная милиция окончательно сформировалась, значительно увеличилась численно и весной 1918 года представляла собой серьезную силу, не считаться с которой в уезде уже никто не мог.

А тем временем кирсановские коммунисты продолжали укреплять свою власть. "Сбросив" Баженова, они тут же принялись за командира формирующегося 1-го Кирсановского социалистического полка В. Н. Михневича - бывшего заместителя Антонова, недавнего эсера, а теперь меньшевика-интернационалиста. 31 марта, по ложному обвинению в "агитации против Советской власти", Михневич был арестован. И хотя через две недели его пришлось освободить, дело было сделано: к командованию полком Михневич уже не вернулся.

Антонову не надо было иметь семь пядей во лбу, чтобы понять, что отныне в Кирсанове единственной реальной, то есть вооруженной силой, не находящейся еще под контролем коммунистов, оставалась лишь вверенная ему милиция.

Поэтому уже 1 апреля Антонов явился на заседание уездного исполкома, где выразил резкий протест по поводу незаконного ареста Михневича и недвусмысленно пригрозил силой освободить его, если немедленно не будут приняты соответствующие меры. Исполком же под председательством большевика И. М. Авербаха отказался сразу освободить Михневича, но пообещал быстро разобраться в его "деле", а чтобы охладить воинственный пыл Антонова, единодушно выразил ему и всей его милиции "полное доверие".

В конце апреля Антонов еще раз проверил на лояльность к себе Кирсановский уисполком и его нового /с 9 апреля/ председателя-большевика Агеева, заявив, что отказывается работать "за такую мизерную зарплату" - 425 рублей в месяц. Исполком моментально "положил" ему 500 рублей, но Антонов, вместо слов благодарности, категорически объявил, что примет эту подачку лишь в том случае, если зарплата будет повышена всем его подчиненным и, в первую очередь, рядовым

милиционерам. Тут же обсудив это требование и придя к выводу, что если Антонов уйдет, то держащаяся исключительно на его авторитете милиция "вся разбежится", исполком, скрепя сердце, согласился на повышение зарплаты всем работникам уездной милиции.

Однако, несмотря на кажущуюся прочность своего положения, Антонов с каждым днем становился все более задумчивым и скрытным. Эсеровские партийные собрания почти не посещал, а если и бывал на них, то сидел тихо и только слушал, что говорят другие. Чаще и дольше обычного Александр Степанович стал пропадать в служебных поездках по уезду, в основном по южной его части. Особенно он зачастил в села Иноковку и Инжавино, к начальникам 3-го и 4-го районов милиции Ивану Семеновичу Заеву и Василию Казьмичу Лощилину.

Что, кроме службы, связывало Антонова с бывшим каптенармусом Заевым и бывшим учителем и прапорщиком военного времени Лощилиным? Да то, что именно Заев и Лощилин помогали своему непосредственному начальнику прятать в глухих уголках южной части Кирсановского уезда все то оружие, что отбиралось Антоновым у чехословаков, бывших фронтовиков и уголовного элемента. Прятали оружие главным образом в труднодоступных лесах и болотах по берегам реки Вороны, между селами Иноковка и Чернавка. Другим местом тайного складирования оружия была юго-западная часть уезда / треугольник сел Калугино- Золотовка - Трескино/.

Тогда же, во время этих манипуляций с оружием, пересеклись жизненные пути-дороги Антонова и будущего командующего "2-й партизанской армией Тамбовского края" П. М. Токмакова. Однако антоновским командармом Петр Михайлович Токмаков станет лишь через два с половиной года. А пока, в середине восемнадцатого, он был рядовым милиционером конного отряда 3-го района уездной милиции. Но это официально, а фактически же Токмаков являлся командиром этого отряда и правой рукой Заева. И все же самое главное было в том, что Токмаков сумел завоевать полное доверие Антонова, а затем и навсегда, до гроба, сдружиться с ним.

Дела и делишки молчаливого начальника уездной милиции шли вполне терпимо, и кто знает, сколько бы это еще продолжалось, не будь создана в Кирсанове 11 апреля 1918 года уездная ЧК во главе с коммунистом-фронтовиком Казьмой Николаевичем Сатаниным, которого вскоре сменил большевик-железнодорожник Павел Варсанофьевич Овчинников.

Едва ли не с первого дня своего существования Кирсановская

ЧК /почти сплошь большевистская/ начала "копать" под уездную и городскую милиции /почти сплошь левоэсеровские/. А кроме того, кирсановские коммунисты резко активизировали свои усилия по занятию руководящих постов в милиции. И что же Антонов? На первый взгляд он нисколько не противодействовал ни явному "подкопу" чекистов, ни столь же очевидному напору коммунистов. Более того, он даже заменил не в меру активного эсера Герасима Петровича Перекальского - начальника милиции 1-го района не менее активным коммунистом В. И. Соболевым.

Вячеслав Иванович Соболев оказался на редкость усердным служакой. Вскоре он перевелся начальником 4-го района милиции в Инжавино, а в сентябре 1919 года занял пост начальника Кирсановской уездной милиции и тут же почему-то, но вполне официально сменил свою фамилию на Птицына. Правда, в апреле 1920 года его несколько понизили в должности - до заместителя нового начальника уездной милиции Мина Семеновича Маслакова На этом посту Птицын пробыл до марта 1921 года, когда был неожиданно вызван в Тамбов, где и бесследно исчез. Известно лишь, что это случилось сразу после того, как губчека получила от кирсановского чекиста Георгия Антоновича Аникина сведения о давних и тесных связях Соболева-Птицына с Антоновым. (Насколько был прав Аникин - судить трудно. Но в пользу того, что все это время /1918 - 1921 гг./ Соболев-Птицын "работал" на Антонова, говорит такой, например, факт, как поразительная информированность Антонова об оперативных замыслах кирсановских "органов", которые могли быть известны лишь очень ограниченному кругу руководящих работников ЧК и милиции. Чем, если не явным предательством кого-то из этих лиц, можно объяснить, в частности, то. что уже в первые дни антоновщины, 4 сентября 1920 года, кирсановский сводный чекистско-милицейский отряд попал в антоновскую засаду-ловушку у села Трескино и был наголову разгромлен? В числе погибших в этом бою оказался и глава кирсановсках чекистов Андрей Демьянович Сачко. А начальник уездной милиции Маслаков спасся лишь благодаря своей храбрости, мастерскому владению ручным пулеметом и быстрым ногам.

Этот и другие подобные поступки Антонова несколько сбивали с толку чекистов, которые, однако, не только не ослабили своих усилий по сбору "компромата" на эсеров-милиционеров, но и даже заметно форсировали их, что напрямую было связано с произошедшими в начале июля в Москве и других городах вооруженными выступлениями левых эсеров против большевиков. Первое, во что сразу же мертвой хваткой вцепились кирсановские чекисты, было раскрытие ими нескольких случаев

злоупотребления властью, допущенных начальником 3-го района милиции Заевым и его ближайшим сподвижником Токмаковым. Проступки эти нельзя было квалифицировать как преступления, и поэтому чекисты стали добиваться от уездного комиссара внутренних дел большевика Сатанина увольнения со службы Заева и Токмакова.

Сатанин тут же известил об этом Антонова и запросил его мнение. В своем ответе не шибко грамотный начальник уездной милиции писал /орфография и пунктуация подлинника/:

"Принимая во внимание долгосрочную службу, со дня основания милиции, начальника милиции 3-го участка Заева и милиционера Токмакова, а также знание своего дела, точность и аккуратность возложенных на них обязанностей я нахожу с своей стороны увольнение таковых со службы очень отразится в интересах государственной службы, занимаемого ими участка. Прощу Вашего разрешения об оставлении их на своих постах или же назначения следственной комиссии для выяснения виновности их."

Вполне возможно, что этот документ, написанный Антоновым, оказался последним в его милицейской биографии. Ибо в начале второй половины июля 1918 года он ушел в разрешенный ему месячный отпуск и вместе с женой уехал на отдых в бывшее помещичье имение Дашково, что в 10 километрах севернее Инжавино.

Три вроде бы безмятежных недели провели супруги Антоновы в Дашково. Правда, сам Александр Степанович за отдыхом не забывал следить и за событиями в уезде. Все было спокойно, и ничто, казалось, не предвещало скорой грозы. Дело Заева и Токмакова, своевременно предупрежденных им об опасности, явно застопорилось. Лишь 14 августа, под большим нажимом ЧК, уездный комиссар внутренних дел Сатанин согласился на проведение официального расследования деятельности Заева и Токмакова. В этот день он писал в Кирсановскую уездную ЧК:

"Возвращая при сем переписку от 18-го прошлого июля за №746, предлагаю для выяснения и расследования деятельности начальника милиции 3-го участка Заева и милиционера Токмакова назначить в непродолжительном времени особую комиссию в составе: 1/ одного представителя Уездной комиссии по борьбе с контрреволюцией, спекуляцией и саботажем, 2/ одного представителя уездного комитета Российской Коммунистической партии /большевиков/ и 3/ одного представителя городских служащих милиции.

По производстве названной комиссией дознания, протокол такового, вместе с настоящей перепиской, прошу прислать мне."

Но в ЧК от этой записки Сатанина попросту отмахнулись. Дело в том, что как раз 14 августа произошла смена руководства Кирсановской уездной ЧК. Вместо уволившегося по собственному желанию П. В. Овчинникова - человека слабоумного, психически больного, но отнюдь не агрессивного, председателем был назначен его заместитель Петр Степанович Зудин.(98) Однако фактически руководство уездной ЧК оказалось на несколько дней в руках нового зама, Георгия Тимофеевича Меньшова - бывшего сотрудника уездной милиции, уволенного Антоновым за пьянство и у которого страшные запои мирно чередовались с приступами неистовой служебной активности.

Если верить воспоминаниям Меньшова, опубликованным в Тамбове в 1923 году, то уже 15 августа в руки чекистов попал потерянный кем-то в Кирсанове портфель, содержимое которого тут же подняло по тревоге всю уездную ЧК и находившийся при ней так называемый Карательный отряд под командованием Г. В. Шарапова. Ибо в портфеле была обнаружена переписка эсеров о подготовке ими контрреволюционного заговора в Кирсанове с целью "разгрома уездного Совета" и проведения "планового террора на ответственных работников". Меньшов вспоминал далее:

"В переписке высказывалась уверенность заговорщиков, что милиция поголовно будет с ними. Мы, получив этот материал, немедленно командировали взвод из Карательного отряда для поимки Антонова, который, по слухам, жил в то время в Инжавино, Лощилина и Заева - начальников милиции 4-го и 3-го районов, - назначенцев Антонова. В Инжавино отправился я, а за Заевым - тов. Шарапов. По приезде в Инжавино я вечером взял с квартиры Лощилина, который был хорошо вооружен. Затем я бросился искать Антонова в Сололовском лесу, но все поиски были тщетны. Лощилина я отправил в Кирсанов с конвоем, а через день был приведен и Заев, окруженный в своем районе отрядом Чека. Через день Заев и Лощилин, по постановлению Чека, были расстреляны."

Погорячился, ой, погорячился товарищ Меньшов! Впрочем, вскоре он и сам понял это и ушел в очередную серию запоев, которые привели его сначала на должность начальника отдела по борьбе со спекуляцией, затем сделали завхозом и, наконец, в декабре 1918 года окончились его увольнением из ЧК.(ЮО) А ведь не начни тогда, в августе, Меньшов пороть горячку с арестами милицейских начальников и их "приспешников" и не подними тем самим шумиху на весь уезд, стоять бы Антонову / дня через три он должен был выйти из отпуска на службу/ у одной стенки вместе с левым эсером Лощилиным и "сектантом-

коммунистом" Заевым. Упустили чекисты в Иноковке и будущего антоновского командарма Токмакова, который, по словам помощника Заева, "16 августа скрылся неизвестно куда, захватив с собой наган". Сбежал, от греха подальше, и начальник Кирсановской городской милиции Никита Григорьевич Гридчин.

Его "подвиг" тут же повторил шурин (брат жены) Антонова - начальник 2-го района Кирсановской городской милиции Александр Алексеевич Боголюбский. Еще раньше распрощался со своей милицейской должностью замешанный в неудачной попытке антисоветского переворота в Тамбове 17-18 июня младший брат Антонова - Дмитрий, служивший до этого младшим помощником начальника милиции 4-го района города Тамбова. Однако никем пока особо не преследуемые, младший брат и шурин Антонова, сойдясь вскоре вместе, порешили за благо устроиться на небольшой лесопильный завод в Тамбовском уезде, где тихо-мирно и проработали почти до конца 1918 года.

А Александр Антонов, кем-то вовремя предупрежденный об опасности, быстренько отправил жену из Дашково в Тамбов, к ее матери, после чего сам бесследно исчез.

Напрасно почти десять дней караулили чекисты пустую квартиру Антоновых на Почтовой улице в Кирсанове. Александр Степанович и не думал возвращаться туда. Как, впрочем, и в свой служебный кабинет. Наконец поняв это, новый уездный комиссар внутренних дел Тихон Акимович Климов в конце августа издал приказ об освобождении начальника Кирсановской уездной милиции А. С. Антонова от занимаемой должности "за неявку из отпуска".

Часть третья

ОПЯТЬ В ПОДПОЛЬЕ

Нежданно-негаданно оказавшемуся на нелегальном положении Антонову волей-неволей пришлось вспомнить свою до-каторжную молодость, когда ему, еще неоперившемуся толком эсеровскому боевику-экспроприатору, приходилось скрываться от полиции и жандармов. Вероятно, помимо элементарных приемов конспирации, Антонову вспомнились и те эсеры, которых он знал по дореволюционному подполью.

Ведомо было Антонову и то, что один из таких знакомцев /по Тамбовской тюрьме 1909 года/, виднейший российский эсер Владимир Казимирович Вольский возглавляет теперь "Самарскую учредилку" - Комитет членов Учредительного собрания /Комуч/ -

альтернативное коммунистам эсеровское правительство, объявившее себя в июне 1918 года временной /до созыва Учредительного собрания/ властью на территории Самарской губернии. В августе власть Комуча распространялась уже на Самарскую, Симбирскую, Казанскую, Уфимскую и часть Саратовской губернии, Вся эта территория была объявлена "территорией Учредительного собрания". Комуч признали Уральское и Оренбургское казачьи войска. Была у него и своя Народная армия.

Вот туда, в Самару, к Вольскому и решил поехать Антонов, чтобы в рядах Народной армии с оружием в руках сражаться против большевиков. Но не в добрый час отправился Антонов в Самару. С сентября дела Комуча и его Народной армии неудержимо покатились под уклон. А 19 ноября "Съезд членов Учредительного собрания" /так теперь стал именоваться Комуч/, переехавший сначала в Уфу, а затем в Екатеринбург, вовсе был разогнан колчаковцами. И проболтавшийся без толку три месяца по бурлящему гражданской войной Поволжью Антонов был вынужден несолоно хлебавши возвратиться в Кирсановский уезд.

Но, видно, в недобрый час Антонов не только уезжал в Самару, но и вернулся обратно. Дело в том, что как раз накануне его возвращения домой по Тамбовской губернии прокатилась волна стихийных крестьянских восстаний. Причем наиболее сильное восстание, протекавшее в два этапа, произошло на границе Кирсановского и Моршанского уездов, в районе сел Рудовка, Вышенка, Никольское, Глуховка.

Сначала в ночь на 24 октября 1918 года произошло выступление крестьян Рудовской волости в северной части Кирсановского уезда. Однако оно было быстро, в течение трех - четырех дней, подавлено силами милиции, чекистов и местных коммунистов. Проведенное тут же кирсановскими властями расследование причин восстания показало, что оно было вызвано вопиющей бесцеремонностью продотрядов, откровенным произволом местных властей, а также из рук вон плохо организованной мобилизацией в Красную армию нескольких возрастов крестьян.

Созданный в процессе подавления восстания "Военно-революционный штаб" вскоре вынес Рудовской волости свой приговор: расстрел шести "зачинщиков" во главе с Ильей Давыдовичем Галыгиным /исполнено 29 октября на виду у всей Рудовки/, миллион рублей контрибуции и конфискация нескольких сотен лошадей и коров. Но мало того, что военревштаб назначил явно невыполнимые размеры контрибуции и конфискации, так он /по мнению проводившего позднее

расследование нового председателя Кирсановской уездной ЧК Эрнеста Эрнестовича Рожкалнса/ еще и вел себя по отношению к "побежденным" рудовцам недопустимо грубо и провокационно. Дикие пьяные оргии и насилия "победителей" возмутили и всколыхнули всю округу, которая 9 ноября вспыхнула огнем нового восстания. На этот раз местных коммунистов и милиции оказалось уже недостаточно, пришлось вызывать войска. 20 ноября, после ряда ожесточенных и кровопролитных боев, восстание было жестоко подавлено.

И хотя все требования конспирации Антонов вроде бы соблюдал, слух о его появлении на юге Кирсановского уезда моментально облетел весь Инжавинский район. Но какое же было удивление, а затем и вполне понятное возмущение Александра Степановича, когда до его ушей дошло, что это якобы он был главным подстрекателем и руководителем крестьянского восстания в районе Рудовки. Однако все было бы ничего, не поверь этим всем вымыслам инжавинские коммунисты, которые на своей районной партконференции не только заклеймили позором "лжесоциалиста Антонова", но и приговорили его к смерти. Более того, среди делегатов конференции нашлись и добровольцы, пожелавшие лично привести этот приговор в исполнение.

Такой жестокой несправедливости к себе - человеку с эсеровско-каторжным прошлым, партийный стаж которого насчитывал больше лет, чем у этих инжавинских коммунистов месяцев - Антонов безнаказанно спустить не мог. Не тот был человек.

В декабре 1918-го и январе 1919 года он сколачивает вокруг себя и вооружает "Боевую дружину" из 10 - 15 человек, в преданности которых сомневаться не приходилось. В их числе оказались бросившие свой лесопильный заводик под Тамбовом младший брат Дмитрий и шурин Александр Алексеевич Боголюбский, бывшие милиционеры Петр Михайлович Токмаков, Петр Михайлович Давыдов и другие, тоже в основном бывшие милиционеры, избежавшие в августе ареста или же арестованные, но в конце концов выпущенные чекистами на свободу "за неимением обвинительных материалов".

Едва ли не единственным немилиционером в боевой дружине Антонова был его старый знакомый по дореволюционному эсеровскому подполью, будущий глава Тамбовского /вернее, антоновского/ эсеровского губкома Иван Егорович Ишин - 43-летний говорун и весельчак из села Калугине Кирсановского уезда. Сын кулака-богатея, владельца 28 десятин земли, Иван Ишин не унаследовал от отца тяги к земле и в 1905 году, вступив

в партию эсеров, занялся революционной пропагандой среди крестьян. Его недюжинный агитаторский талант был отмечен тогдашними властями следующим образом: 2 месяца тюрьмы в 1906 году - от кирсановского уездного исправника, 4 месяца тюремного заключения в 1907 году - от губернского жандармского управления и 4 месяца тюрьмы плюс 2 года ссылки в 1909 году - от Саратовской судебной палаты.

В нашей исторической литературе об антоновщине давно уже сложилась такая традиция: упоминая имя Ишина, непременно поведать о присвоении им огромной суммы партийных / эсеровских/ денег - 40 тысяч рублей, на которые он якобы открыл промтоварную лавку в своем селе и начал богатеть. Как выяснилось, к историкам эти сведения попали от тамбовских чекистов Георгия Антоновича Аникина и Михаила Ивановича Покалюхина. На вопрос о том, какой конкретно эсеровской организации принадлежали эти деньги, первый отвечал, что, возможно, Кирсановской, а второй - что той сибирской, где Ишин отбывал ссылку.

Увы, нельзя согласиться ни с одним, ни с другим. Ибо, во-первых, ссылку Ишин отбывал не в Сибири, а в Архангельской губернии, где "водились" только ссыльные эсеры, у которых вряд ли были такие бешеные деньги. А во-вторых, надо совершенно не знать внутрипартийных эсеровских порядков, чтобы всерьез предположить, что кирсановские эсеры, зная о таком преступлении Ишина, позволили бы ему сколько-нибудь долго оставаться в живых и вдобавок нагло богатеть у них на глазах. Тот же Антонов, не моргнув глазом, первым бы разрядил в Ишина свой наградной маузер и потом искренно считал бы, что поступил благородно. Однако Александр Степанович, будучи начальником уездной милиции, не только не сделал этого, но и неоднократно противодействовал калугинским коммунистам в их попытках арестовать Ишина. Поэтому неудивительно, что сразу после ухода Антонова из милиции, Ишина обложили такой контрибуцией, что он мигом сбежал из села и долго скрывался у своих многочисленных родственников и знакомых, пока, наконец, не оказался в боевой дружине Антонова, которая в начале 1919 года приступила к проведению террора против местных коммунистов.

По данным уполномоченного ЦК партии правых эсеров по Тамбовской губернии Юрия Николаевича Подбельского, Антонов первым делом расправился с теми коммунистами, которые на районной партконференции в Инжавино сами вызвались найти и убить его.

Одновременно с террором Антонов занялся и "экспроприациями" советских учреждений. Заметим, что наши

писатели и историки, дабы показать Антонова закоренелым злодеем, на протяжении семидесяти с лишним лет упорно приписывают ему гнусное ограбление детской колонии в Дашково, где находились дети голодающих питерских рабочих и где антоновскими дружинниками под командованием Токмакова якобы было "экспроприировано" 110 тысяч рублей.

Однако найденные автором этих строк архивные документы убедительно свидетельствуют о полной непричастности Антонова к этому позорному "эксу". На самом деле ограбление Дашковской детской колонии совершил /в сговоре с несколькими работниками колонии/ некто Семен Васильевич Коновалов, у которого при обыске нашли 90 тысяч рублей и украденные из колонии вещи. Но самое удивительное: находясь уже под следствием. Коновалов умудрился вступить в ряды коммунистической партии.

Из "экспроприаций", действительно совершенных дружиной Антонова, наибольшую известность получили ограбления Утиновского /Верхне-Шибряйского/ сельсовета в северной части Борисоглебского уезда и Золотовского волисполкома в Кирсановском уезде. Причем в последнем случае, произошедшем в начале февраля 1919 года, антоновскими дружинниками были убиты четыре волисполкомовских коммуниста. Забегая несколько вперед, скажем, что самым дерзким "эксом" Антонова было ограбление вечером 1 декабря 1919 года Инжавинского райпродуправления, во время которого антоновцы расстреляли трех коммунистов и одного австрийского военнопленного, работавшего в райпродуправлении конюхом-сторожем.

Численность дружины Антонова непрерывно увеличивалась и к середине лета 1919 года достигла ста пятидесяти хорошо вооруженных и дисциплинированных боевиков. В основном это были люди, придирчиво отобранные Антоновым после им же организованного у села Трескино двухтысячного митинга дезертиров, перед которыми с зажигательной речью и горячими призывами вступать в ряды боевой дружины Антонова выступил его заместитель по пропаганде и агитации Иван Егорович Ишин. Кстати, здесь же, под Трескино, в ночь на 11 июня антоновцы убили инструктора отдела управления Кирсановского уездного исполкома Бутовского и уполномоченного ВЧК Бориса Николаевича Шехтера. А всего за лето 1919 года только в одном Кирсановском уезде дружинниками Антонова были убиты, по данным уездного комитета РКП/б/, около сотни коммунистов.

Несмотря на все возраставшую активность и даже агрессивность Антонова, борьба с ним велась довольно пассивно, что можно объяснить двумя основными причинами. Во-первых,

недостатком сил, имевшихся в распоряжении уездных властей, а во-вторых, тем, что кирсановские руководители упорно не хотели видеть в Антонове достойного противника, благо что уездный городишко Кирсанов своими налетами он не беспокоил. Такое положение попытался было исправить уездный ревком, созданный 3 июля 1919 года в связи с объявлением Тамбовской губернии /кроме четырех ее северных уездов/ на военном положении. 5 июля ревком издал приказ, в котором, в частности, говорилось: "Всем гражданам, имеющим оружие, за исключением членов РКП/б/, под страхом расстрела на месте приказывается в 24 часа сдать таковое в Кирсановский уездный военный комиссариат."

Однако не все было так просто, и 26 июля уездный ревком, весьма озабоченный участившимися вылазками дружинников Антонова, писал в своем приказе:

"В результате пассивного отношения к делу защиты революции наблюдается, что контрреволюция во всех своих проявлениях подняла голову. Участились случаи преследования коммунистов на местах. Разбойничьи банды открыто разгуливают по уезду, дезертиры массами скрываются по селам и окрестностям, а местная власть смотрит пассивно на такие явления и, благодаря своей пассивности и расхлябанности, часто не в силах бороться с этим "гнойным нарывом" революции. Контрреволюционеры и бандиты всех мастей в своих грязных замыслах дошли до того, что открыто делают вооруженные нападения на честных и преданных делу революции товарищей, поджигают дома коммунистов, вытаптывают засеянные поля их семей.

...Для фактического проведения в жизнь военного положения на местах и принятия решительных мер по беспощадной борьбе с контрреволюцией уездный ревком приказывает: каждому волисполкому совместно с волвоенкомом и представителями от организации РКП/б/ взять заложников от кулацкого элемента, от укрывателей дезертиров, от самогонщиков, бандитов и других контрреволюционных элементов.

В случае активного выступления контрреволюционеров за каждого убитого коммуниста будут расстреляны заложники, за поджоги, вытаптывание полей расстреливаются заложники, за укрывательство и пособничество дезертирству головой отвечают заложники.

Все контрреволюционеры, бандиты и дезертиры должны быть изъяты беспощадной рукой из пределов местности, объявленной на военном положении."

Однако время шло, а Антонов все не унимался, несмотря на

драконовские строгости военного положения и частичное "проведение в жизнь" уездными властями своих репрессивных обещаний. Поэтому в начале осени 1919 года Кирсановский уездный военревком во главе с председателем уисполкома В. А. Зайцевым сформировал /с превеликим трудом/ специальный отряд для борьбы с Антоновым. Но бойцам этого спецотряда не довелось сразиться с антоновскими дружинниками, так как почти тут же по сформировании отряд приказом губревкома был срочно вызван в Тамбов и оттуда отправлен на фронт против белых.

Этот факт отправки спецотряда на фронт лишний раз подтверждает, что вопросу безотлагательной ликвидации дружины Антонова должного значения не придавали ни уездные, ни, тем более, губернские власти. Однако очень скоро им пришлось-таки вернуться к решению этой проблемы. 14 октября 1919 года в южной части Кирсановского уезда, у деревни Чернавки, на озере Ильмень дружинниками Антонова были убиты приехавшие сюда поохотиться на уток недавний председатель Тамбовского губис-полкома Михаил Дмитриевич Чичканов / снятый с должности за сдачу Тамбова белоказакам во время знаменитого рейда генерала Константина Константиновича Мамонтова/ и ответственный работник губсовконтроля Сергей Клоков. Находившегося вместе с ними беспартийного тамбовского аптекаря Дмитрия Клюшенкова антоновцы убивать не стали, а лишь изрядно поколотили, чтобы в другой раз знал, с кем и куда ездить на охоту.

То, что бывший председатель губисполкома Чичканов отправился на охоту в самое что ни на есть логово Антонова, убедительнейшим образом свидетельствует о полном незнании им оперативной обстановки в этой части губернии.

Однако хорош или плох был убитый бывший предгубисполкома, он все-таки являлся номенклатурой ЦК РКП/ б/, и на его убийство полагалось отреагировать соответствующим образом. Поэтому буквально тут же в район Инжавино были направлены несколько чекистских, милицейских и красноармейских отрядов, общее руководство которыми осуществляла специальная выездная сессия губчека под председательством будущего начальника Кирсановской уездной милиции Мина Семеновича Маслакова. В составе выездной сессии находились достаточно опытные и смелые чекисты, например, будущие заведующие Кирсановским и Тамбовским уездными политбюро /так с 1920 года стали называться уездные ЧК/ Андрей Демьянович Сачко и Иван Захарович Кирьянов.

В дополнение к этим мерам, а также ввиду того, что, как быстро выяснилось, войсковые операции против дружины

Антонова не достигают цели, председатель Тамбовской губчека Иосиф Иосифович Якимчик направил в Инжавинский район нескольких своих сотрудников с заданием проникнуть в дружину Антонова и любой ценой "уничтожить главаря банды". Надо отметить, что операциям по ликвидации Антонова и его дружины придавалось весьма серьезное значение, ибо эти операции находились под личным контролем командующего внутренними войсками Константина Максимовича Валобуева и начальника Особого отдела ВЧК, руководителя советской военной контрразведки Михаила Сергеевича Кедрова, который в начале двадцатых чисел октября прибыл со своим поездом в Кирсанов. Ознакомившись здесь с обстановкой, Кедров немедленно затребовал из Саратова спецотряд по борьбе с бандитизмом /200 штыков и 50 сабель при двух пулеметах/, а также послал в инжавинские леса двух своих сотрудников для убийства Антонова.

Трудные дни наступили для Александра Степановича. Немало его дружинников погибло в ожесточенных схватках с чекистскими отрядами. Страшной силы удар обрушился и на "пособников-укрывателей" из местного населения: десятки расстреляны, сотни брошены в концлагеря. Однако "достать" самого Антонова или кого-либо из его ближайшего окружения чекистам так и не удалось. И вообще, как писал позднее секретарь Тамбовского губкома РКП/б/ Б. А. Васильев, губчека сразу же "столкнулась с тем фактом, что Антонова изловить дьявольски трудно, так как он имеет своих людей всюду - вплоть до партийных комитетов и органов Чека".

А вот что писал по этому поводу чекист М. И. Покалюхин: "Хитрость Антонова и покровительство ему со стороны кулачества - спасло его. Вообще нельзя отказать Антонову в твердости характера, находчивости, умении ориентироваться и большой храбрости. Все это давало ему возможность не раз уходить из наших рук."

О двух таких случаях рассказал в своих воспоминаниях Иван Акимович Климов, служивший некоторое время в 1919 году начальником Кирсановской уездной милиции:

"В конце 1919 года в Иноковке, в доме Токмакова, были выслежены Токмаков с Антоновыми. Местные коммунисты и милиция окружили дом. На вызов никто не выходил, и двери были заперты. Тогда принесли керосин и зажгли дом. На пожар собралась толпа крестьян. Вдруг открылись 3 окна, из которых полетели бомбы. Среди толпы поднялась суматоха. Из дома выскочили Антонов, его брат и Токмаков, начали бросать во все стороны бомбы и, очищая себе таким образом, путь, скрылись.

В том же 19-ом году, в каком месяце - не помню, инжавинскому предволкомпарту тов. Полатову было сообщено, что Антонов с братом и Токмаковым остановились ночевать в одной хате. Тов. Полатов собрал человек 15 членов партии и часов в 11 вечера - очень темного - отправился на облаву. Окружили дом. Тов. Полатов был слишком горяч - подошел к двери и стал стучать, чтобы отпирали. Дверь отворилась, показавшийся в дверях Антонов сделал два выстрела. Полатов тут же упал, цепь спуталась, и Антонов убежал в лес, где и скрылся. Товарища Полатова тут же положили на повозку и направили в Карай-Салтыковскую больницу с хозяином этого дома, без охраны. Хозяин скрылся, а тов. Полатов умер."

Отчаявшись уничтожить Антонова физически, выездная сессия губчека решила уничтожить его морально и начала распространять были и небылицы о зверских убийствах Антоновым "безвредных деревенских идеалистов в лице членов Коммунистической партии". Естественно, в числе "зверски" убитых фигурировал и вышеупомянутый Григорий Игнатьевич Полатов.

Антонов стоически терпел. Но только до тех пор, пока его не объявили отпетым бандитом-уголовником, грабящим и убивающим ни в чем не повинных мирных жителей, и не поставили в один позорный ряд с главарем известной всему уезду уголовной банды Колькой Бербешкиным.

Это было уже настолько слишком, что рассвирепевший от незаслуженных обвинений Антонов в несколько дней выследил банду Бербешкина и безжалостно истребил ее до последнего человека. После чего отправил начальнику Кирсановской уездной милиции письмо, в котором категорически заявил, что он не уголовник, а политический противник коммунистов, сообщил о ликвидации им Бербешкина /указав место, где можно найти его труп/ и даже выразил готовность помочь милиции в борьбе с уголовными шайками. Письмо свое Антонов заканчивал так: "Желание коммунистов - очернить нас перед лицом трудящихся - плохо удается, надеюсь, что на этом поприще они и впредь будут иметь подобный же успех... О вышеизложенном прошу довести до сведения уездного комитета РКП." Судя по почтовому штемпелю, письмо это было отправлено Антоновым 18 февраля 1920 года.

Вскоре кирсановские "Известия" опубликовали весьма неуклюжий "Ответ на письмо Антонова, присланное им на имя начальника Кирсановской усовмилиции", подписанный почему-то выездной сессией губчека, которая твердо пообещала Антонову и его дружинникам, что "карающая рука пролетариата, победившего мировую контрреволюцию, быстро раздавит вас,

пигмеев, своим железным кулаком".

И - удивительное дело! - Антонов притих. Да так, что оставшаяся без работы выездная сессия губчека в марте была отозвана в Тамбов.

Разумеется, не чекистских угроз испугался Антонов. Просто еще тогда, в феврале 1920 года, он прозорливо увидел впереди зарево большого крестьянского восстания и, уйдя в глубокое подполье, стал потихоньку создавать в деревнях сеть будущих повстанческих "местных штабов".

Вслед за Антоновым неотвратимость надвигающегося восстания поняли и тамбовские эсеры. Бросившись воссоздавать свои нелегальные партячейки в селах, они с удивлением наткнулись во многих деревнях на уже готовые антоновские "местные штабы". Состоявшиеся вскоре по этому поводу переговоры эсеров с Антоновым завершились тем, что эсеровские и антоновские подпольные организации слились воедино в формально беспартийные "союзы трудового крестьянства".

Справедливости ради отметим, что приближение восстания почувствовали и некоторые местные коммунисты. Однако их отчаянные сигналы не захотели услышать ни в Тамбове, ни в Москве.

В начале августа 1920 года стали известны заведомо невыполнимые объемы продразверстки для Тамбовской губернии особенно для Кирсановского, Борисоглебского и Тамбовского уездов, пораженных сильнейшей засухой. Население этих уездов оказалось перед страшным выбором: не отдавать хлеб продотрядам /то есть восставать/ или умирать голодной смертью.

Однако, как ни готовились эсеры и Антонов к восстанию, оно все-таки началось неожиданно для них, не говоря уже о губернских властях. 21 августа крестьяне села Каменки Тамбовского уезда разгромили увозящий их хлеб продотряд и попытавшийся помочь ему спецотряд по борьбе с дезертирством. В тот же день к восставшей Каменке присоединились некоторые близлежащие села. И все-таки уже к вечеру 24 августа восстание было почти подавлено, а сама Каменка занята сильным отрядом красных. Но судьба распорядилась так, что именно в этот вечер сюда со своей боевой дружиной прибыл Антонов. Здесь он узнал, что на состоявшейся накануне в Тамбове экстренной конференции эсеры признали восстание в районе Каменки преждевременным, то есть практически бросили повстанцев на произвол судьбы.

Поступить аналогичным образом Антонов не мог и в ночь на 25 августа принял на себя руководство уже дышавшим на ладан восстанием и тут же увел уцелевших повстанцев в кирсановские

леса, где основательно вооружил их из своих тайников. А утром 30 августа 1920 года Каменский район вспыхнул огнем нового восстания. Так началась антоновщина - последняя крестьянская война в России, продолжавшаяся целый год.

НАЧАЛЬНИК ГЛАВОПЕРШТАБА

16 июля 1921 года главный подавитель антоновщины, "командующий войсками Тамбовской губернии" М. Н. Тухачевский написал в своем победном рапорте на имя В. И. Ленина, что в числе главных факторов, помешавших подавить восстание в самом его начале, были "скрытый большой запас оружия, сделанный Антоновым за время его начальствования Кирсановской уездмилицией и, наконец, военно-организаторский талант Антонова".

Да, как предводитель тамбовских повстанцев Антонов не ударил в грязь лицом. Деловые характеристики на него, составленные видными военачальниками Красной армии, буквально пестрят такими эпитетами, как "недюжинная фигура с большими организаторскими способностями", "энергичный, опытный партизан" и т. п. К слову сказать, и ВЧК отдавала ему должное, отмечая отличную постановку разведывательного дела у тамбовских мятежников и незаурядные конспираторские способности самого Антонова.

14 ноября 1920 года, преодолев сильнейшую партизанщину командиров отдельных повстанческих отрядов, Антонов создал единый центр руководства восстанием - так называемый Главный оперативный штаб, начальником которого сам же и стал, будучи избран на этот пост тайным голосованием на альтернативной основе. А в феврале 1921 года - апогей антоновщины - уже существовало около двадцати повстанческих полков, сгруппированных в две /1-ю и 2-ю/ "партизанские армии Тамбовского края". Как известно, обе они были разгромлены регулярной Красной армией в ожесточенных сорокадневных боях, протекавших с конца мая по начало июля 1921 года.

Однако конец антоновщины начался еще в феврале, когда на Тамбовщине, а через месяц и по всей стране была отменена ненавистная крестьянству система продразверстки, на смену которой вскоре пришла более терпимая система продналога. Сразу ли понял Антонов, что это начало конца? Да. Когда известие об отмене продразверстки застало его в одном селе под Тамбовом, и крестьяне со слезами на глазах кричали "Мы победили!", Антонов грустно изрек повстанческим командирам:

"Да, мужики победили. Хотя и временно, конечно. А вот нам, отцы-командиры, теперь крышка." И как в воду глядел. За руководителями восстания началась настоящая охота.

12 апреля командующий войсками Тамбовской губернии Александр Васильевич Павлов /предшественник Тухачевского, командовавший до этого ДОНом - Дивизией особого назначения ВЧК, известной ныне как дивизия внутренних войск имени Ф. Э. Дзержинского/ объявил всех повстанческих командиров, от взводного и выше, "вне закона". А спустя месяц всем антоновцам было категорически предложено, под страхом репрессий в отношении их семей, "немедленно прекратить сопротивление, явиться в ближайший штаб Красной Армии, сдать оружие и выдать своих главарей".

Однако, несмотря на широкомасштабные репрессии /только с 1 июня по 10 июля 1921 года были брошены в концлагеря и частично высланы на Север до 1500 семей повстанцев/, местное население упорно отказывалось сдавать оружие и выдавать антоновцев, которые тоже не очень спешили сдаваться и вязать своих командиров.

Перелом произошел во второй половине июня, когда стал жесточайшим образом "проводиться в жизнь" печально знаменитый на Тамбовщине двадцать первого года приказ №171, в соответствии с которым в селах брались и расстреливались заложники, если население не выдавало спрятанное оружие, антоновцев и их семьи. Особенно жестоко этот приказ выполнялся в так называемых "злостнобандитских селах" /все населенные пункты мятежной части Тамбовщины были поделены красными на 4 категории: "советские", "нейтральные", "бандитские" и "злостнобандитские"/. И если расстрел первой партии заложников не давал нужного результата, то тут же бралась и ставилась к стенке следующая. Так, после расстрела трех партий заложников /всего 23 человека/ в деревне Кулябовка Борисоглебского уезда, она моментально превратилась из "злостнобандитской" в "советскую". Самая же большая партия заложников /80 человек/ была расстреляна в "злостнобандитском" селе Паревка Кирсановского уезда(138), после чего сдались бродившие в ее окрестностях остатки Особого полка антоновцев /своего рода повстанческая гвардия/ во главе со своим командиром Яковом Васильевичем Санфировым. Заметим, что до этого ни один из командиров антоновских полков не сдался в плен, предпочитая в безвыходной ситуации пустить себе пулю в висок.

В июле - сентябре 1921 года сдались еще шесть командиров повстанческих полков /было твердо обещано, что их не

расстреляют/. Сам же Александр Степанович Антонов, разумеется, и не помышлял о добровольной явке с повинной, прекрасно понимая, что прощения ему не будет.

В великом множестве больших и малых боев довелось участвовать Антонову. Судьба явно берегла его: лишь трижды он был ранен. Первый раз это случилось 18 сентября 1920 года в кровопролитном бою под селом Афанасьевка Тамбовского уезда; пуля чиркнула по щеке, оставив небольшой шрам.

Второй раз Антонов был ранен в том же месяце в селе Золотовка Кирсановского уезда, где его с двенадцатью ближайшими сподвижниками в одном из домов неожиданно окружил 2-й взвод эскадрона имени Л. Д. Троцкого из Кирсанова. Не испытывавшие недостатка в патронах штабисты Антонова продержались до темноты, а затем, забросав осаждающих гранатами, прорвали кольцо окружения и скрылись. Во время в общем-то успешного прорыва самому Антонову не повезло: несколько красноармейцев видели, как пуля вырвала большой кусок правого рукава кожаной тужурки Антонова. Как выяснилось позднее, в этом бою Антонов был ранен в правую руку, после чего она начала постепенно сохнуть.

В третий же раз Антонов был ранен по касательной в голову 6 июня 1921 года во время бегства из пограничного с Тамбовщиной пензенского села Чернышево, куда неожиданно ворвались три машины из чекистского автобронеотряда № 52. Кстати, шофер одной из машин - Михаил Лаврентьевич Соловьев, увидевший скакавшего к лесу Антонова и указавший на него пулеметчикам, уже через несколько дней получил орден Красного Знамени. /И вообще мало кто знает, что примерно каждый десятый орден Красного Знамени в гражданскую войну 1918-1922 годов был дан именно за подавление антоновщины/.

О ранении Антонова в голову немедленно и громогласно протрубили почти все тамбовские газеты. Поэтому остается только гадать, что же толкнуло популярного в свое время советского писателя Николая Евгеньевича Вирту дать в известном романе "Одиночество" свою версию происхождения шрама на голове Антонова. Уж не то ли обстоятельство, что главным рецензентом романа был Иосиф Виссарионович Сталин, и поэтому боевое происхождение шрама не вписывалось в жесткие рамки "социалистического реализма"? Однако предоставим слово Вирте:

"Вечером в избе, где жил Антонов, за закрытыми ставнями пьянствовали Антонов, Косова и Герман.

...Ночью, совсем потерявшие остатки разума, они спустились вниз и, шатаясь, пробрались к амбару. Там вторые сутки ждали

своей участи пленные коммунисты. Герман отпер амбар, зажег свечу в фонаре, висевшем у притолоки.

Пленные - их было пятеро: четверо мужчин и девушка-учительница - сбились в кучу и, тесно прижавшись друг к другу, ждали смерти.

Антонов, не целясь, выстрелил в угол. Девушка вскрикнула.

- Т-ты не можешь, - сказала Косова, ее шатало от самогонки. - Д-дай я!

Она прицелилась, маузер дал осечку, прицелилась еще раз. Из угла выскочил чернявый, босой человек, в одном исподнем и крикнул:

- Палачи, убейте! - и рванул на себе рубашку. Дрожащими руками Герман выхватил браунинг и выстрелил в белое пятно, человек упал и пополз в угол, к своим.

Потом Косова и Антонов начали палить в живую, шевелящуюся стонущую кучу.

И вдруг из нее начал вырастать человек. Хватаясь за бревна, вставала девушка. Она обернулась к убийцам, колеблющийся свет упал на ее лицо, обагренное кровью. Дико завизжала Косова; выронив маузер, она бросилась бежать; с безумным, перекосившимся от ужаса лицом пятился назад Герман; Антонов захрипел, метнулся к двери, упал и расшиб о косяк голову. В амбар вбежали люди."

Что здесь можно сказать? Что ни Маруси Косовой, ни Шурки Германа ко времени описываемых в романе событий /май - июнь 1921 годе/ уже давно не было в живых? Выходит, что воинствующий трезвенник Антонов пил "вонючую самогонку" с покойниками?!

Впрочем, далеко не один Николай Вирта грешен по части измышлений, касающихся биографии Антонова. Вот и другой известный писатель, Варлам Тихонович Шаламов, со своим "достоверным" рассказом "Эхо в горах". Это трогательное до слез, но, увы, абсолютно придуманное повествование о том, как в разгар восстания Антонов попал в плен, а красный комбриг, некто Михаил Степанович Степанов /якобы бывший эсер, сидевший когда-то в Шлиссельбургской крепости вместе с Антоновым и даже целый год скованный с ним одной цепью/, устроил ему побег, предварительно взяв с Антонова честное слово /честное каторжное?/, что тот прекратит вооруженную борьбу с советской властью. Александр Степанович, понятное дело, слово свое не сдержал. А лет через шесть чекисты узнали о том, кто помог Антонову бежать, и бывший комбриг получил 10 лет лагерей, где и повстречался с Шаламовым. Кстати, последний весьма любопытно, но опять-таки совершенно неверно описывает и

гибель Антонова: "Антоновщина шла к концу. Сам Антонов лежал в лазарете в сыпном тифу, и когда лазарет был окружен красноармейскими конниками, брат Антонова застрелил его на больничной койке и застрелился сам. Так умер Александр Антонов. «Разумеется, каждый писатель, обращающийся к исторической теме, имеет неоспоримое право на художественный вымысел. Однако всему же должен быть предел. Особенно это касается такого жанра, как исторический очерк. Поэтому вряд ли можно найти сколько-нибудь вразумительный ответ на такой, к примеру, вопрос: почему ставший ныне популярным у нас писатель-эмигрант Роман Борисович Гуль, создавший в одном из своих исторических очерков довольно колоритный /хотя и безбожно искаженный/ образ "легендарного атамана-мстителя" Антонова, именует его совсем другим именем и отчеством - Герасимом Павловичем? И вообще, по Гулю, антоновщина была не в Черноземье, а в Поволжье. На наш взгляд, это уже слишком.

И все же недосягаемой вершиной беспредела в изображении Антонова и вообще событий антоновщины являются бесчисленные, но совершенно бредовые газетные публикации и интервью 1990-х годов тамбовского пенсионера Бориса Васильевича Сенникова, который, насколько известно автору этих строк, не является историком и никогда не бывал ни в одном из архивов, где хранятся документы по истории Антоновского восстания.

В середине июня 1921 года еще не оклемавшийся толком от недавнего ранения в голову Антонов опять угодил в переплет. В тот день красные курсанты обнаружили и атаковали неподалеку от села Трескино Кирсановского уезда небольшой повстанческий отряд, в который как раз угораздило приехать Антонова. После короткого боя мятежники "рассеялись" в разные стороны, а преследуемые конными курсантами Антонов и четверо его ближайших сподвижников выскочили прямо на Трескино, где размещался штаб сводной курсантской бригады.

Увидев выгнанных на село пятерых мятежников и с удивлением узнав в одном из них самого Антонова, командир бригады и еще человек двадцать штабистов и курсантов мигом вскочили на коней и бросились на перехват Антонова и его спутников. Однако многоверстная бешеная скачка со стрельбой окончилась безрезультатно. Кони преследуемых оказались резвее.

В начале июля, желая спасти остатки своих разгромленных армий от окончательного уничтожения, Антонов приказал повстанческим командирам прекратить вооруженную борьбу и, сохраняя людей и оружие, дожидаться того момента, когда красные будут вынуждены вывести из пределов разоренной и

голодающей Тамбовской губернии свою огромную /120-тысячную/ оккупационную армию. И тут же сам первым продемонстрировал пример исполнительности, внезапно и бесследно исчезнув даже из поля зрения советской военной и чекистской разведки.

Отметим, что этот приказ Антонова почему-то не на шутку встревожил не только командующего войсками губернии Тухачевского, настоятельно рекомендовавшего Москве ни в коем случае не спешить с выводом войск /особенно курсантских частей/ с Тамбовщины, но и самого Ленина, посчитавшего даже необходимым ознакомить Политбюро РКП/б/ с этим приказом Антонова.

Настойчивые попытки чекистов и войсковых разведчиков установить местонахождение затаившегося Антонова увенчались успехом лишь 30 июля 1921 года, когда стало известно что он с отрядом в 180 человек скрывается в районе озера Змеиное, что между селами Рамза и Паревка Кирсановского уезда. 2 августа весь этот труднодоступный район - сплошные болота и озера - был наглухо блокирован курсантами и отборными частями внутренних войск и регулярной Красной армии. А на следующий день красные курсанты дважды пытались достичь Змеиного озера, но оба раза были остановлены на подступах к нему сильным ружейно-пулеметным огнем антоновцев. 4 августа район Змеиного озера был подвергнут сильнейшему артиллерийскому обстрелу и бомбардировке с воздуха. И хотя это не нанесло ощутимых потерь мятежникам, однако подействовало на них очень деморализующе, что обнаружилось уже утром 5 августа, когда красноармейские цепи начали сжимать кольцо окружения.

К вечеру все было кончено. Половина антоновского отряда погибла в бою, а половина попала в плен. Однако среди убитых и пленных мятежников ни самого Антонова, ни его брата Дмитрия не оказалось. И вообще для полного счета не хватало еще десятка полтора антоновцев.

Как выяснилось позже, Антонов и другие повстанцы спаслись тем, что спрятались в заранее подготовленных схронах внутри озерных кочек, из которых была выбрана земля, и курсанты прошли буквально над ними.

6 августа были подведены итоги прочесывания. Несомненный успех операции серьезно омрачался тем, что в густой невод облавы так и не попалась самая крупная рыба - братья Антоновы и скрывавшийся вместе с ними командир 4-го Низовского повстанческого полка Иван Алексеевич Востриков.

Так как пленные мятежники в один голос утверждали. что к началу операции прочесывания Антонов был с ними на Змеином

озере, а внешнее красноармейское оцепление клялось и божилось, что сквозь него никто не мог проскочить незамеченным, то было решено повторить прочесывание 7 и 8 августа.

Но и на этот раз Антонову удалось перехитрить красных, хотя они и обнаружили место на Змеином озере, где скрывались последние мятежники. После продолжительной и интенсивной

перестрелки, потеряв четырех человек убитыми, Антонов приказал своему денщику Алешке и еще пятерым рядовым повстанцам выйти к красным и сдаться, а также сказать, что они якобы последние из укрывавшихся на озере антоновцев.

Пока эти шестеро, громко перекликаясь с курсантами, получили от последних заверения, что не будут тут же расстреляны, и пошли, наконец, сдаваться, адъютант Антонова Иван Александрович Старых, уже упоминавшийся Востриков и братья Антоновы зашли по горло в озеро, густо поросшее тростником, и затаились.

Допросив пленных, которые, среди прочего, "доверительно" сообщили, что Александр Антонов убит еще два дня назад, а его младший брат Дмитрий застрелился прошлой ночью, и тщательнейшим образом обследовав последние перед начинавшейся глубиной кочки, курсанты ушли докладывать по начальству, которое вскоре распорядилось снять блокаду со Змеиного озера, ибо люди были уже на пределе и начинали глухо роптать.

После снятия оцепления братья Антоновы выбрались из озера, распрощались с Востриковым и Старых /которые через месяц явились с повинной в соответствующие органы советской власти/ и бесследно исчезли.

ЧЕКИСТЫ НЕ ДРЕМЛЮТ

Уйдя в глубокое подполье, Антонов внешне совершенно прекратил всякую борьбу. Не организовывал новых отрядов и не проводил никаких террористических актов и "экспроприации". Никому не мстил. Ни коммунистам, ни своим бывшим и довольно близким сподвижникам, добровольно или вынужденно переметнувшимся теперь на сторону противника и даже активно сотрудничавшим с чекистами.

А последние ни на один день не прекращали настойчивые поиски следов Антонова, будучи почему-то уверенными, что Александр Степанович не ушел с Тамбовщины. Непосредственное руководство чекистским розыском осуществлял начальник секретного отделения Тамбовской губчека, а с 1922 года -

заместитель начальника Тамбовского губотдела ГПУ Сергей Титович Полин, назвавший в своих воспоминаниях Антонова человеком "с громадной бандитской наглостью и смелостью". Далее Полин писал:

"Первые сведения о нем были получены осенью 1921 г., когда он со своим братом перешел на отдых в "родные" места Кирсановского уезда. Неудачный подход к делу и недостаточная ориентировка привели первоначальную работу по его поимке к тому, что Антонов окончательно "смылся" с глаз Чека и стал еще осторожнее. Старый прожженный авантюрист, находившийся большую часть своей жизни в подполье, был слишком хитер, чтобы к нему "подъехать на козе".

Да, Антонов был предельно осторожен, и неоднократные попытки чекистов "выйти" на него всякий раз кончались ничем. Так, еще в начале антоновщины, осенью 1920 года, тамбовские чекисты с нулевым результатом провели операцию "Сестра". 6 октября они арестовали в городе Моршанске Тамбовской губернии жену Антонова, Софью Васильевну Орлову-Боголюбскую, которая, после поспешного отъезда из Дашково в августе 1918 года, проживала некоторое время в Тамбове у своей матери, затем в селе Верхний Шибряй Борисоглебского уезда / сюда к ней приезжали Антонов и ее неродной по отцу брат Александр Алексеевич Боголюбский/, в селе Никольское Воронежской губернии и, наконец, в Моршанске, где сначала устроилась работать конторщицей местного союза кредитных и досберегательных товариществ, а с сентября 1920 года - счетоводом Моршанского союза единых рабоче-крестьянских потребительных обществ.

Полностью склонить Софью к сотрудничеству чекистам не удалось, но они все-таки добились от нее /в обмен на освобождение, состоявшееся 22 октября 1920 года/ написания записки Антонову с просьбой встретиться в Тамбове, в доме ее матери на Красной улице. Так как выпускать жену Александра Степановича из Тамбова чекисты сочли нерезонным, то разыскать Антонова и передать ему записку было "доверено" .сестре Софьи, Клавдии Алексеевне Латышевой, что та и сделала. Однако Антонов на встречу с женой не поехал, а отделался короткой ответной запиской, в которой слегка пожурил свою Соню за необдуманную попытку оторвать его от руководства восстанием в столь напряженный момент. Антонов написал также, что о его приезде в Тамбов "и речи быть не может", ибо "кругом война, за которую в некоторой степени ответственность ложится на меня".

Естественно, что эта неудача чекистов не остановила. В марте 1921 года за поимку Антонова взялась уже ВЧК, вернее, ее отдел

по борьбе с контрреволюцией, возглавляемый небезызвестным Тимофеем Петровичем Самсоновым. Зная, что Тамбовская губчека массовыми арестами "подозрительного элемента" в Тамбове в сентябре 1920 года /в числе арестованных оказался и шурин Антонова - А. А. Боголюбский/ окончательно оборвала и без того слабые связи антоновцев с партиями правых и левых эсеров. Самсонов решил на этом сыграть и выманить Антонова в Москву, на якобы созываемый там съезд руководителей повстанческих армий и крупных отрядов из разных регионов страны для координации дальнейшей борьбы с большевиками.

К этой операции ВЧК были подключены тамбовские и воронежские чекисты, а главным ее действующим лицом стал бывший видный функционер Рязанской и Воронежской эсеровских организаций Евдоким Федорович Муравьев, засланный к антоновцам под видом члена ЦК партии левых эсеров. Полтора месяца он находился в стане тамбовских мятежников и навредил им основательно. Помимо добытой им ценнейшей разведывательной информации о 2-й антоновской армии, в зоне действия которой он находился, Муравьев в самом конце июня 1921 года отправил в Москву, прямо в руки ВЧК, резидента антоновцев в Тамбове Дмитрия Федоровича Федорова, руководителя повстанческой контрразведки Н. Я. Герасева, заместителя Антонова по Главоперштабу Павла Тимофеевича Эктова, главного антоновского агитатора Ивана Егоровича Ишина и группу из восемнадцати повстанцев, направленную якобы в Тулу за оружием и арестованную в Москве при переходе с Павелецкого вокзала на Курский. Все эти арестованные /за исключением Эктова, согласившегося сотрудничать с чекистами / в конце июня были расстреляны как "неисправимые враги Советской власти". Через год П. Т. Эктов был застрелен неизвестным в Тамбове прямо на улице.

Эта четырехмесячная операция ВЧК, проходившая под личным контролем Ф. Э. Дзержинского, была, безусловно, успешной, хотя главная ее цель - поимка А. С. Антонова - так и не была достигнута.

Думается, было бы наивным полагать, что в поисках Антонова чекисты не пытались использовать его родственников. Например, жену Софью, которую по приказу Самсонова вновь арестовали в Тамбове 26 марта 1921 года и отправили в Москву, в ВЧК. Кстати, там же оказался и ее ранее арестованный брат, Александр Боголюбский. Склонили ли их чекисты к сотрудничеству? Увы, ответ на этот вопрос находится в пока недоступном автору Центральном архиве ФСБ РФ. В порядке же информации к размышлению приведем здесь три уже

установленных на сегодня факта: 1/ в декабре 1921 года находившаяся в Бутырской тюрьме в Москве жена Антонова провела шестидневную голодовку; 2/ 29 марта 1922 года ее неожиданно освободили и уже на следующий день, вместе с братом, отправили в Тамбов; 3/ судя по материалам судебного процесса над партией эсеров, проходившего в Москве летом 1922 года, Александр Боголюбский полностью раскаялся в своих эсеровских грехах и дал обширные показания по связям эсеров с антоновщиной и самим Антоновым.

"ЯКИЙ Я ВАМ АНТОНОВ?!"

Близилось лето 1922 года, а тамбовским чекистам все никак не удавалось найти хоть какой-нибудь след Антонова. Но вот в начале мая чекистские сердца взволнованно забились. Это случилось после того, как из Борисоглебска в Тамбов, а оттуда в Москву лавиной пошли "срочные, вне всякой очереди" совершенно секретные шифротелеграммы. А начало этой лавине положило донесение секретной сотрудницы ГПУ "Мироновой" главе борисоглебских чекистов Чупрову. В своем сенсационном донесении от 7 мая 1922 года "Миронова" /Александра Гавриловна Кудрявцева/ писала:

"Сообщаю, что 5 мая с. г. утром часов в 11 по дороге из Грибановки в Борисоглебск я встретила у второго кордона от Грибановки в Борисоглебск переодетого типа, в котором узнала главаря банд Антонова, который шел на базар в Борисоглебск и нес для продажи картофель. Он шел вместе с женщиной, которая назвала себя его сестрой и которая на него очень похожа. Потеряла я его в Борисоглебске вблизи ардома /арестного дома, тюрьмы. - В. С/, когда они повернули на базар. В разговоре со мной они выдавали себя за проживающих в с. Алексеевка беженцев Саратовской губернии, причем говорили, что из города возвратятся опять в Алексеевку /верст 40 от Борисоглебска/...

Разговаривала я больше с сестрой, т. к. Антонов от разговора воздерживался и отделывался односложными фразами и, как видно, меня узнал, стараясь это скрыть, и старался прищуривать глаза при улыбке. Мне бросились в глаза два сломанных зуба. Одного совсем нет, а другой - половина. Точно также, как это было и тогда, когда я знала его в банде. Выговор оба старались изменить на малороссийский. Остановиться они предполагали на одном из постоялых дворов, т. к., по их словам, квартиры у них в городе нет".

Не отреагировать на такое сообщение было нельзя, и уже 9

мая похожие на Антонова и его сестру мужчина и женщина были разысканы и арестованы милицией в Алексеевке, а вечером следующего дня выдворены в Борисоглебскую тюрьму.

На первом же допросе арестованный мужчина на торжествующий вопрос чекистов "Ну, что, Антонов, - попался?" раздраженно ответил по-украински: "Який я вам Антонов? Я - Коваленко!" Услышав такой ответ, чекисты, вероятно, лишь саркастически усмехнулись. И было отчего: имевшаяся у них фотография Антонова убийственно свидетельствовала если не о полной идентичности арестованного Коваленко и разыскиваемого Антонова, то уж во всяком случае о их поразительнейшем сходстве /в чем автор этих строк убедился лично/. Сходились и все остальные приметы: рост, цвет волос и глаз, овал лица и т. д. Мало того, налицо были и две известные приметы: отсутствие двух зубов в верхнем ряду и шрам на голове - след пулевого ранения, полученного Антоновым 6 июня 1921 года в бою под пензенским селом Чернышево. Правда, было и одно обстоятельство, несколько смущавшее борисоглебских чекистов - внешне арестованный Коваленко выглядел лет на 45, в то время как Антонову еще не исполнилось и тридцати трех. Впрочем, это расхождение в летах легко можно было объяснить тяжелыми условиями подполья, в которых прошел последний год жизни Антонова.

Тем не менее, казалось бы намертво припертый к стенке арестованный мужчина продолжал упорно твердить /на смеси русского и украинского языков/, что он вовсе не Антонов, а Андрей Ильич Коваленко - крестьянин села Еловатка Самойловской волости Еланского уезда Саратовской губернии, вынужденный из-за разразившегося в Поволжье голода податься вместе со своей младшей сестрой Феклой в относительно сытый Борисоглебский уезд, где они вот уже четыре месяца проработали за харчи и кров у богатых крестьян сел Алексеевка и Александровка Мало-Грибановской волости. А злополучный шрам на голове, утверждал Коваленко, появился у него еще лет семь назад, при падении на лед с необъезженной лошади.

То же самое, почти слово в слово, показала на допросах и Фекла Коваленко.

Однако слаженные ответы арестованных не поколебали уверенности борисоглебских чекистов в своей редкой удаче. Тем более, что спешно разысканные ими в городе и уезде четыре человека, ранее знавшие Антонова, единодушно признали в арестованном Коваленко бывшего руководителя тамбовских повстанцев. Так, например, заместитель начальника 5-го /Козловского/ района милиции Борисоглебского уезда Степан

Алексеевич Васильев, родом из Инжавино, заявил: "В предъявленном мне человеке я признаю главаря банд Антонова, с которым, в бытность его начальником Кирсановской милиции, я служил вместе месяца три. Изменен у него только разговор, но по голосу - это он. Что касается того, что он кажется немного старше, то это, по моему мнению, происходит оттого, что он похудел и от пережитого им".

17 мая брат и сестра Коваленко, под усиленной охраной, как "чрезвычайно важные государственные преступники" были отправлены в Тамбов, в губотдел ГПУ, где ими уже занялся начальник отделения по борьбе с бандитизмом Михаил Иванович Покалюхин.

Чтобы окончательно убедиться, что доставленный из Борисоглебска арестованный действительно является Антоновым, Покалюхин вызвал в Тамбов еще 10 человек, достаточно хорошо знавших Александра Степановича. Результат предъявления им Коваленко оказался удручающе неожиданным: девять из десяти опознавателей категорически заявили, что показанный им человек - не Антонов. И не верить этим людям было нельзя. Ведь в их числе были заместитель председателя Кирсановского уездного исполкома А. И. Агейкин, кирсановский чекист Абрам Геся Захарович Равер, бывший командир Особого антоновского полка Яков Васильевич Санфиров, бывший командир эскадрона этого же полка Петр Ильич Юмашев, длительное время отиравшаяся при Главоперштабе некая Анастасия Аполлоновна Дриго-Дрыгина и др. Кстати, именно Анастасия Аполлоловна /в описываемый момент находилась за что-то под следствием в губревтрибунале/ была в своем заключении относительно Коваленко наиболее многословна и доказательна.

"Предъявленный мне гражданин, - заявила Дриго-Дрыгина, - имеет громадное сходство с начальником Главоперштаба и руководителем партизанского движения Тамбовского края Антоновым Александром, но у него противоречат следующие отличительные приметы. Антонов гораздо моложе и, по моему мнению, так устареть за этот краткий период не мог. Волосы его гораздо светлее, брови прямые и светлые, а у этого старика - густые, круглые и темно-русые. Затем у Антонова очень маленькие и изящные руки, а у этого старика руки большие и на суставах очень выдающиеся большие шишки. Кроме того у Антонова во рту не было двух зубов верхней челюсти с левой стороны, а вообще зубы были очень чистые, а у этого старика двух зубов действительно хотя и нет, но нет передних прямо, тогда как у Антонова передние зубы были целы, а не было с левой стороны. И зубы вообще у Коваленко не такие, как у Антонова. Последнего

я знаю хорошо, и действительно Коваленко имеет большое сходство с Антоновым. Но я утвердительно могу сказать, что это не Антонов".

Последние же сомнения Покалюхина развеял вернувшийся из командировки в Еловатку - родную деревню Коваленко чекист, который привез доказательства того, что брат и сестра Коваленко действительно являются теми людьми, за которых себя выдают, и не имеют никакого отношения ни к Антонову, ни даже к антоновщине. Однако Покалюхин почему-то не поспешил освободить арестованных и лишь 14 июня, перед самым отъездом на операцию по поимке уже настоящего Антонова, написал в заключении по делу брата и сестры Коваленко, что дальнейшее их содержание под стражей не имеет смысла.

ПОСЛЕДНИЙ БОЙ

Где скрывался Антонов до мая 1922 года - пока остается тайной. Более или менее точное место его пребывания - лесистый район на границе Кирсановского и Борисоглебского уездов - чекисты узнали от бывшего тамбовского эсера-железнодорожника Фирсова, давнего знакомца Антонова.

В конце мая к Фирсову обратилась с просьбой достать порошки хинина /остродефицитное в то время лекарство/ неизвестная ему лично молодая учительница из села Нижний Шибряй Борисоглебского уезда Софья Гавриловна Соловьева. Она сообщила, что хинин нужен для страдающего приступами малярии Антонова и что сама живет в Нижнем Шибряе, где квартирует в доме вдовы Натальи Ивановны Катасоновой.

Твердо пообещав Соловьевой достать лекарство, Фирсов в тот же день "исповедался" заместителю начальника Тамбовского губотдела ГПУ Сергею Титовичу Полину. Дело завертелось, и к середине июня 1922 года план поимки Антонова был готов. Александра Степановича предполагалось взять живым, а безотлучно находившегося при нем брата Дмитрия - "как придется". Схватить Антонова планировалось в Нижнем Шибряе, днем, в доме Катасоновой, куда он должен был явиться на встречу с Фирсовым, якобы имевшим сообщить ему лично нечто очень важное. Сформировать и возглавить группу захвата было поручено начальнику отдела по борьбе с бандитизмом Михаилу Ивановичу Покалюхину, который с четырьмя оперативниками выехал 14 июня в районное село Уварово, от которого до Нижнего Шибряя было не более двух километров.

Дело несколько осложнялось тем, что никто из чекистов не

знал Антонова в лицо. Поэтому пришлось срочно разыскать тех немногих уцелевших мятежников, которые лично знали Антонова и могли бы помочь в его задержании. Вскоре несколько таких бывших антоновцев были найдены и тайно доставлены в село Перевоз, что в пятнадцати километрах севернее Уварово.

22 июня на автомобиле, вместе с молодым оперативником Иосифом Яновичем Беньковским, выехал в Уварово и сам Полин, писавший через полгода:

"Выехали мы конспиративно. Между Тамбовом и Балашовом поезда не ходили вследствие ремонта ветки, и мы ехали под видом "господ из треста" по направлению на Балашов. Село Уварово... Громадное село, чуть не семь верст в длину! Въехав в село, мы остановились перед первым же попавшимся на глаза кулацким домом и заявили, что едем в Балашов, но у нас сломалась машина, и ее придется чинить. Кроме того, не хватило бензина, а сзади идет грузовик с бензином.

Мне нужно было как можно скорее видеть т. Покалюхина, но его не было. Отвязав велосипед, я поехал в центр села. Оттуда Н. Шибряй - как на ладони. Внизу течет река Ворона, а кругом леса, овраги, заросль.

Так вот она, вотчина Антонова! Действительно, места такие, что можно полку целому спрятаться, и не скоро найдешь.

Осмотрев место и сделав еще кое-что, я вернулся обратно. Радушная хозяйка, как и все окружающие, вполне поверила, что мы безобидные проезжие нэпачи. Без умолку она рассказывала, как живет одна, как ее муж бросил, предварительно попытавшись утопить в колодце и т. д., все это в самой живописной форме. Тургенев на основании ее рассказов, пожалуй, написал бы не одну книгу вроде "Живых мощей". А сколько здесь, в селе, благодаря недороду и Антонову, было подлинных "живых мощей". Голод, такой голод, что ели траву, ели хлеб, от одного вида которого и бывалого человека стошнит! Меня смущало то обстоятельство, что тов. Покалюхин не смог себя замаскировать. В селе уже знали, что он - из Чека.

Ну, думаю, узнает Антонов - уйдет! Сообщили, что Покалюхин приехал и находится в районе милиции. Вызываю его осторожно. Докладывает, как обстоит дело: двое наших живут в лесу на "бандитских началах". Днем были в Шибряе, назвавшись плотниками из голодных мест, ищущими работы, они великолепно осветили деревню и дома, где скрывается Антонов.

Ночью пошел с Покалюхиным в лес, чтобы поговорить со своими "бандитами". Шли долго, через реку, лесом. Легкий свист. Ответ из лесу. Выходит один, другой. Ложимся под кустами. Разговариваем шепотом. Над рекой - туман. Редкие рыбаки

перекликаются. Ребята все еще сомневаются, что Антонов здесь. Успокаиваю их.

- Здесь, ребята! Вот, может быть, в двухстах шагах!

24 июня получаю сведения, что Антонов с братом был ночью в доме Наталии Катасоновой в Шибряе и остался на день ждать следующей ночи, чтобы уйти в лес на кордон. Болеет малярией, которая одолевает своими приступами. Брат за ним ухаживает.

Затягивать дело было невозможно. Ждать случая взять Антонова живым было сопряжено с риском вовсе сорвать операцию: через день-два донесут ему его люди, что приехал какой-то из Чека и что этот из Чека ходит к какому-то приехавшему на автомобиле. Тогда - поминай как звали Антонова - удерет, да и моих ребят перестреляет врасплох, как цыплят.

Сведения об Антоновых имелись точные: вооружены двумя маузерами - десятизарядными автоматическими, по два полных подсумка патронов к ним, два браунинга и один наган."

Эта информация была получена от Фирсова, который в обед приехал из Нижнего Шибряя, где в доме Катасоновой встречался с Антоновым. Тут же на машине Полина Покалюхин отправился в Перевоз и через полтора часа привез в Уварово своих помощников - бывших антоновцев, именуемых на чекистском языке "бандагентами". С ними и с другими членами группы захвата Полин провел последний инструктаж, приказав всячески избегать жертв со своей стороны, а с братьями Антоновыми особо не церемониться - "застать врасплох и застрелить".

Затем, переодевшись под бригаду плотников-шабашников, с топорами и пилами /карабины в мешках, револьверы - под рубахами/, группа захвата, вернее, группа уничтожения пешком отправилась в Нижний Шибряй. Всего пошло 9 человек: Михаил Иванович Покалюхин, оперативник Иосиф Янович Беньковский, бывший командир Особого /находившегося всегда при антоновском Главоперштабе/ повстанческого полка Яков Васильевич Санфиров - житель села Калугине Кирсановского уезда, два бывших антоновца из небольшого повстанческого отряда Грача /Афанасия Евграфовича Симакова/ - крестьяне деревни Леоновка Трескинской волости Кирсановского уезда Егор Ефимович Зайцев и Алексей Игнатьевич Куренков, бывший антоновец из 14-го Нару-Тамбовского /Хитровского/ полка Михаил Федорович Ярцев, два секретных агента ГПУ по кличкам Мертвый и Тузик - бывшие антоновцы из села Паревка Кирсановского уезда Ефим Николаевич Ластовкин и Никита Кузьмич Хвостов, а также начальник милиции 1-го /Уваровского/ района Борисоглебского уезда Сергей Михайлович Кунаков.

Из перечисленных девяти человек Антонова лично знали

шестеро: Покалюхин /плохо/, Санфиров, Ярцев, Зайцев, Куренков и Ластовкин. Последний был настроен против Антонова злее всех. Причину этой ненависти выяснить с документальной точностью не удалось. По недокументальным же сведениям, во время антоновщины какие-то мятежники убили жену Ластовкина, который в отместку за это якобы поклялся убить самого Антонова.

Определенный интерес представляет и Егор Зайцев. И вот почему. 9 мая 1922 года в селе Алексеевка Борисоглебского уезда был арестован некий А. И. Коваленко - внешне похожий на Антонова беженец из голодающего Поволжья. Когда доставленного в Тамбов Коваленко показали 24 мая бывшим антоновцам Санфирову и Куренкову, то они в один голос заявили, что это не Антонов. А вот Зайцев, приглашенный на опознание в тот же день, но отдельно от Санфирова и Куренкова, заявил, что показанный ему человек - "Антонов, которого я знаю хорошо по прежнему пребыванию в банде". Что же толкнуло Зайцева на лжесвидетельство? Желание ввести чекистов в заблуждение и тем самым хоть как-то помочь настоящему Антонову? Или все же Зайцев мало знал Александра Степановича? Вопросы, вопросы...

Уже около восьми часов вечера восемь "плотников" и шедший чуть сзади начальник Уваровской милиции Кунаков /его Покалюхин взял с собой главным образом для того, чтобы тот оперативно вмешался, если вдруг "шабашников" задержат какие-нибудь сверхбдительные сельские активисты/ пришли, наконец, на дальнюю нижнешибряйскую окраину, именуемую Кочетовкой, где стоял дом Катасоновой. Окружая избу они увидели, как из нее шустро выскочил старик - 66-летний местный крестьянин-бедняк Иван Михайлович Ломакин. На вопрос, что он делал в доме Катасоновой, Ломакин ответил, что приходил попросить бумаги на курево у квартирантки-учительницы, но ее нет дома.

Отпустив старика, Покалюхин, Санфиров и Ластовкин вошли во двор и постучали в запертую дверь сеней - единственный вход в дом. На их стук сзади, из сарая, подошла сама Катасонова, которая на вопрос, кто находится у нее в доме, ответила, что никого там нет. Потом добавила: "Был какой-то тип из Тамбова, приезжал купить пшена и перед обедом уехал".

В это время дверь сеней приоткрылась, и в проеме мелькнул кто-то из Антоновых. В него тут же, без всякого предупреждения, выстрелил из браунинга Ластовкин. Не попал. Антонов метнулся обратно в дом, заперев дверь изнутри.

Только после этого инцидента Катасонова призналась Покалюхину, что в доме находятся двое вооруженных неизвестных, именующих себя Степаном и Матвеем; они пришли

к ней прошлой ночью на свидание с приезжим из Тамбова и с наступлением темноты должны уйти. На предложение Покалюхина передать своим "гостям" записку Катасонова ответила категорическим отказом - боюсь, мол, убьют. А на вопрос, как можно взять их без жертв, заявила: "Это сделать никак нельзя, и вас, бедняжки, они всех побьют".

В этот момент слева /если смотреть со двора/ прогремело несколько выстрелов. Это два поста оцепления /бывшие антоновцы Ярцев и Зайцев/ встретили и пресекли огнем попытку братьев Антоновых выскочить через окна северного торца дома.

Перебегая по кругу от одного поста к другому, Покалюхин заметил, что из одного окна выстрелы раздаются чаще всего, и приказал бывшему командиру Особого антоновского полка Санфирову бросить туда гранату, которая, однако, угодила в оконную раму, отлетела назад и разорвалась на земле, едва не задев своими осколками бросавшего. Больше гранат ни у кого не было.

Первые сумбурные минуты боя миновали, и Антонов разглядел среди стреляющих в него людей знакомые лица своих бывших сподвижников и принялся их стыдить:

- Яшка, Лешка, что вы делаете?! Кого вы бьете?!!

- Довольно, Александр Степаныч, - неуверенно огрызались в ответ Яков Санфиров и Алексей Куренков. - Поиграл и будет!

Так как дело шло к сумеркам, а результатов осады все не было, Покалюхин приказал поджечь дом и усилить обстрел окон. Через полгода он вспоминал:

"Соломенная крыша быстро занялась. Пожар в полном разгаре, обстрел идет усиленным темпом. Антоновы нам не уступают и сыпят в нас из своих маузеров. Борьба продолжается уже с час. Жертв нет ни с чьей стороны. У избы загорается потолок.

Все село собралось на пожар и стрельбу. Собравшиеся в недоумении смотрят на странную картину. Смельчаки спрашивают в чем дело. Объясняю. Очень сдержанно, но все-таки заметно крестьяне выражают нам свое сочувствие, желают успеха в борьбе. Сказать это открыто им нельзя: вдруг в этот, возможно, сотый раз Антонов выйдет опять победителем, тогда он найдет всех сочувствующих нам и сведет с ними свои счеты.

Дом объят пламенем. Кругом стрельба. Черный густой дым клубком стелется на землю.

Мне невольно приходят в память аналогичные случаи стычек с Антоновым. Помню, как не то в 1919 г., не то в 1920 г. его также захватили с Токмаковым в с. Рамзе. Атаковали, зажгли, и все-таки он ушел, разогнав наших. Ну, думаю, воспользуется он густым

соломенным дымом, выскочит - пропадет как сквозь землю. Ведь в какие он только не попадал ловушки и, как бес, уходил из них".

Прервем здесь ненадолго Покалюхина, чтобы отметить одно обстоятельство, о котором он /как и Полин/ забыл, наверное, упомянуть. Дело в том, что во время своего последнего боя Антонов был уже "не тот", что в 1919 году. 24 июня 1922 года Александр Степанович был не только очень болен малярией, но и являлся, по существу, калекой - висела плетью почти высохшая правая рука /результат пулевого ранения, полученного в бою с красными осенью 1920 года в селе Золотовка/. А если учесть, что Антонов не был левшой, то не трудно представить, что это был за боец, который не в состоянии даже самостоятельно перезарядить свой маузер.

"...И на сей раз Антонов решил перехитрить нас и уйти, но он ошибся в своих расчетах. Наученные горьким опытом в борьбе с ним, мы предусмотрели все возможные уловки. Обеспокоенный затяжкой борьбы, ибо время клонилось уже к закату, я, как угорелый, носился по постам своим, приказывая смотреть "в оба".

Вдруг замечаю - открылось быстро окно пред постом тов. Беньковского. Приказываю усилить обстрел этого окна. Четко, словно по расписанию, посылают в нас пули Антоновы из своих автоматов. Горящий потолок обваливается. Антоновы с дьявольской быстротой выскакивают в окно и нападают на посты Куренкова и Кунакова. Последний, оправдываясь порчей оружия, "отходит". Мне все видно с огорода, и я бросаюсь на помощь Куренкову через соседний двор. Выскакиваю на улицу и оказываюсь в тылу Антоновых, шагах в 8 - 11. Они стояли оба рядом и стреляли в лежащего Куренкова. Антоновы оборачиваются и с криком "Вот он, бей его!" бросаются на меня. У меня в револьвере остается всего два патрона. Я вынужден тоже "отходить" и, уже "не сдерживая противника", несусь полным ходом к своим постам. Антоновы - следом за мной, осыпают пулями из своих маузеров, но не попадают. Бегу через двор и вот я уже около своих ребят. Антоновы подались обратно во двор и другой стороной, через огород - тягу, держа направление к лесу. Но здесь стоял мой наблюдатель, поднял тревогу, и я, с Санфировым и Ярцевым, догоняем Антоновых и вновь вступаем в перестрелку. Опять поднялся ураганный огонь. Скоро Антоновы, как бы по условленному знаку, падают оба. Меткие выстрелы Ярцева уложили их".

В своих воспоминаниях Покалюхин опустил кое-какие моменты боя, о которых не мешает рассказать подробнее.

Когда обстрелянные Покалюхиным на улице /ныне ул. Советская, а тогда была без названия/ Антоновы бросились за

ним в соседний двор мельника Василия Владимировича Иванова /главного укрывателя Антонова в Нижнем Шибряе/ и попытались вслед за Покалюхиным перемахнуть через забор на огород, то почти лицом к лицу столкнулись с Ластовкиным и Санфировым. И прежде чем Антоновы отпрянули обратно во двор, по ним было произведено порядка семи выстрелов. Одна пуля попала Александру Степановичу в подбородок, другая угодила в Дмитрия.

Оставленные на какое-то время в покое, раненные Антоновы с трудом перелезли через ограду двора мельника с левой стороны и по огороду пошли /бежать Дмитрий не мог/ напрямик к лесу, до которого было не более ста пятидесяти метров. Еле двигавшиеся Антоновы - Александр поддерживал Дмитрия - обреченно брели как раз на лежавшего за огородом в зарослях конопли Хвостова / еще не принимавшего участия в перестрелке/, который заметил их и поднял тревогу.

Вновь увидевший Антоновых Покалюхин не рискнул приближаться к ним по открытому месту /на огороде рос картофель/, а вместе с вооруженными карабинами Санфировым и Ярцевым побежал наперерез по дуге направо, через густой соседский сад. Антоновы этого рокового для них маневра видеть не могли: обзор направо закрывала стоявшая почти в конце огорода мельника рига, которую они как раз обходили слева. А когда миновали ее, то увидели /если успели/ справа от себя, метрах в десяти или двенадцати, бегущих цепью почти навстречу им Ярцева, Покалюхина и Санфирова.

Правый крайний в этой цепочке бывший антоновец из 14-го Нару-Тамбовского /Хитровского/ повстанческого полка Михаил Федорович Ярцев первым увидел появившихся из-за риги Антоновых и первым же дважды выстрелил в них из карабина. Сначала в Александра, затем в Дмитрия. Не выпуская из рук оружия, братья почти одновременно упали в высокую картофельную ботву, лицом к лесу, до которого оставалось еще метров сто двадцать.

Лишь минут через десять, выпустив по месту падения Антоновых не один десяток пуль и не получив ни одну в ответ, Покалюхин и другие решились, наконец, подойти к двум бездыханным телам.

Спустя девять дней Покалюхин писал в служебном отчете об операции в Нижнем Шибряе:

"При убитых я взял два маузера при сотне патронов, два браунинга. Причем, по сведениям, история маузеров такова. Антонова Александра маузер - как будто преподнесенный ему Кирсановским уисполкомом в бытность его начумилиции за

усердную службу, и этот маузер находился при нем всегда. На нем сделана монограмма "Я". Маузер же Антонова Дмитрия, с монограммой "Д. А.", является принадлежавшим убитому Антоновым тамбовскому предгубисполкома тов. Чичканову, который Антонов подарил своему сподвижнику ... Токмакову, а после смерти последнего передан Антоновым своему брату Дмитрию. За все время перестрелки - более двух часов - бандиты Антоновы по-прежнему проявляли максимум отчаянности и свирепости, и ими было выпущено не менее двухсот маузерских патрон...

Маузер Александра Антонова остался у меня, маузер Дмитрия Антонова передан т. Полину, один браунинг мною дан оперативнику Беньковскому и другой браунинг - бандагенту."

Какому бандагенту отдал Покалюхин браунинг - неизвестно. Но думается, тому, кто убил Антоновых. А таким Покалюхин считал Ярцева. Это уже много позже в нашей художественной, а затем и исторической литературе появилась пока ничем не аргументированная версия, что Антоновых убил не Ярцев, а Санфиров. Эту версию можно было бы не принимать всерьез, если бы ее в свое время не поддержало Управление КГБ СССР по Тамбовской области.

Ну, что здесь сказать? Да только то, что в последней операции чекистов против Антонова, как, впрочем, и во всей его биографии еще очень много неясностей и "белых пятен".

Ничего пока неизвестно и о судьбе родственников Александра Степановича. За исключением, разумеется, убитого вместе с ним брата Дмитрия и умерших родителей - в 1907 году матери и в 1919 году отца. А вот что стало с женой Софьей и ее братом Александром Боголюбским? Какова судьба сестер Антонова - Анны и Валентины? Вопросы, вопросы... И все без ответов.

Про сестер Антонова достоверно известно лишь следующее. Старшая из них - Валентина Степановна (по мужу Иванченко) - член РКП (б), работавшая в Тамбове счетоводом и имевшая двух детей, была арестована 26 января 1920 года. Как ни нажимали на нее чекисты, она в течение трех месяцев на допросах упорно

Неизвестно и место, где покоятся останки Александра Степановича. Установлено лишь, что из Нижнего Шибряя трупы братьев Антоновых привезли в Тамбов, в бывший Казанский монастырь, где размещался тогда губотдел ГПУ, и бросили на пол в одну из маленьких кладовых. А голодные монастырские крысы успели основательно "обработать" трупы, пока чекисты демонстрировали их знавшим Антонова лицам, чтобы навсегда прекратились слухи, что Антонов по-прежнему жив.

Уже много лет автор этих строк занимается изучением истории антоновщины и, естественно, биографии А. С. Антонова. И поневоле часто задаешь себе вопрос: какое же место занимает Александр Степанович Антонов в российской истории? И в ответ все увереннее выстраивается перед мысленным взором вот такой ряд: Иван Болотников, Степан Разин, Кондратий Булавин, Емельян Пугачев, Александр Антонов. Ведь единственное, что отличает Антонова от его предшественников, вождей крестьянских войн и восстаний в России, это то, что он был предводителем последней крестьянской войны в нашей стране. А именно таковой и является антоновщина.

стояла на своем, никакой связи со своими братьями не поддерживает и о их местонахождении ничего не знает и знать не хочет.

Приблизительно то же самое показала на допросах в губчека и ее младшая сестра, Анна Степановна (по мужу Полканова), жившая в селе Рассказово Тамбовского уезда на иждивении своего мужа-агронома и имевшая двухлетнего сына; была арестована 29 января 1920 года.

Чекисты сестрам Антонова не поверили.